

КОЛЫБИ ВЕСТИК

6+

4/2020

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

В.В. Кулешов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

З.А. Шишкова

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям **1**

Памяти друга **2**

Андрей Мочалин, Владимир Баженов.
Почти Герой Советского Союза. Киноповесть **5**

Евгения Зуева. Танец журавлей, или Плач
Евдокии **36**

Тамара Андреева. Моё военное детство **42**

ПРОБА ПЕРА

Артём Медников. Мой прадедушка **53**

Леонид Мищук. Мой прадед **54**

Матвей Петелько. Наш герой **57**

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Глеб Еремеев. Стихи **59**

Фронтовые стихи **64**

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Александр Дорофеев. Солдатские сказки **70**

Собаки на войне **91**

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Нас с детства учили и в школе, и дома — никогда никого не обманывать. И мы, сотрудники редакции журнала «Школьный Вестник», стремимся этот завет всегда выполнять.

Когда в нашей работе происходит какой-нибудь сбой, мы, наши дорогие читатели, стараемся честно вам объяснить, почему, по каким причинам это произошло.

Вот и сейчас откровенно вам говорим, что из-за серьёзных финансовых проблем редакция «Школьного Вестника» вынуждена выпустить 4, 5, 6-й номера за 2020 год под одной обложкой, то есть в строенном варианте. Поймите нас, пожалуйста, и не обижайтесь.

На сайте в открытом доступе будут выложены все номера нашего журнала в полном объёме в трёх вариантах: брайлевском, укрупнённым шрифтом и в формате FB2.

№ 4 — 6 за 2020 год посвящён 75-й годовщине Великой Победы.

ПАМЯТИ ДРУГА

27 марта 2020 года ушёл из жизни большой друг «Школьного вестника», старейший член редколлегии журнала Глеб Александрович Смирнов.

Г.А. Смирнов родился в подмосковном городе Серпухове 8 июня 1930 года. Зрение потерял в марте 1943 года. Вот как об этом трагическом случае написал в нашем журнале В. Першин: «На запасных путях железной дороги ребята увидели пустой товарный вагон, забрались в него и наткнулись в углу на ящик с минами. Любопытство взяло верх над осторожностью: одну из мин закрепили за хвостовик, отвинтили головку, чтобы вытащить взрыватель». А дальше произошло неизбежное — взрыв, тяжёлое ранение, длительное лечение. Когда из эвакуации вернулась Московская школа-интернат № 1 для слепых детей (тогда она называлась Московским институтом для слепых детей) Глеб поступил в неё. Именно здесь проявились музыкальные способности подростка. Под руководством незрячего педагога Владимира Петровича Михайлова Глеб быстро освоил игру на баяне, успешно сдал вступительные экзамены в московское музыкальное училище имени Октябрьской Революции, которое закончил с отличием в 1951 году. Не раздумывая долго, решил продолжать образование в Московском музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных и поступил на теоретико-композиторский факультет. Диплом с отличием стал закономерным результатом упорства и усидчивости студента Смирнова, помноженных на его безусловный талант музыканта.

В 1958 году Глеб Александрович Смирнов занял скромную должность редактора отдела нотно-музыкальной литературы по Брайлю в издательстве «Просвещение». Выдаю-

щие музыкальные способности, высшее музыкально-теоретическое образование и огромное трудолюбие позволили ему ставить и решать масштабные задачи выпуска нотных сборников музыкальных произведений отечественных и зарубежных композиторов для незрячих исполнителей.

Он без труда сплотил вокруг себя группу талантливых музыкантов-единомышленников, нотных редакторов, переводчиков, которые под его руководством воплощали в жизнь интересные идеи и замыслы. Многие годы вместе с Г.А. Смирновым благородным делом музыкального просветительства незрячих занимались З.И. Шамина и Г.И. Шамин, И.В. Папков, В.П. Михайлов, Г.П. Клевезаль и другие, поддержавшие инициативу Глеба Александровича реформировать нотную систему Брайля, перейти на международные нормы нотного письма для слепых.

В 1970 — 1980-е годы издательство «Просвещение» выпустило под руководством Г.А. Смирнова десятки томов учебно-методической и теоретической литературы, которые заметно пополнили фонд музыкальных изданий для незрячих исполнителей. К широкому читателю пришли долгожданные сборники произведений как классического репертуара, так и современной музыки для баяна, фортепиано и других музыкальных инструментов. Незрячие исполнители засыпали издательство письмами с просьбой выпустить концерты для баяна с оркестром, фортепиано с оркестром, клавиры симфоний Бетховена и Чайковского, клавиры опер, записанные нотами по Брайлю. Это свидетельствовало о том, что выросла не только культура незрячих музыкантов, но и их исполнительское мастерство. Появились лауреаты международных конкурсов, в числе которых первыми стали композитор Глеб Седельников, трубач Василий Истомин, баянист Алексей Архипов.

Просветительская миссия Г.А. Смирнова тоже не осталась незамеченной. По предложению Всемирного Совета слепых он был включён в международную комиссию по унификации нотных знаков, неоднократно приглашался в состав жюри международных конкурсов музыкантов-исполнителей.

На новой теоретической базе были переизданы: самоучитель игры на баяне, переработанное и дополненное издание нотной системы Брайля, справочники для редакторов и переводчиков, работающих с инвалидами по зрению, руководство «Запись нот по системе Брайля» для зрячих музыкантов, работающих со слепыми исполнителями.

Эти бесценные издания легли в основу фонда музыкально-теоретической литературы для незрячих, которыми сегодня пользуются все слепые композиторы и исполнители. Более того, они позволили привести в окончательную стройную систему музыкальное образование и подготовку профессиональных музыкантов-исполнителей инвалидов по зрению, которую положили в основу учебного процесса детские музыкальные школы в Армавире и Уфе, Курское музыкальное училище для инвалидов, Российский специализированный институт искусств для инвалидов, не говоря уже о музыкальных классах большинства средних школ, в которых обучаются слепые и слабовидящие дети.

Такой системы музыкального образования незрячих нет ни в одной стране мира. Это даёт нам право поставить Глеба Александровича Смирнова в один ряд не только с выдающимися слепыми музыкантами, но и с выдающимися незрячими просветителями.

Мы всегда будем помнить этого замечательного человека — Глеба Александровича Смирнова.

ПОЧТИ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

КИНОПОВЕСТЬ

ЭПИЗОД 2

Проверка

Кабинет начальника особого отдела капитана Петренко. Начинает светать. Открывается дверь, входит Петренко, снимает шинель, садится за стол, растирает виски руками. На столе стоит баян. Петренко задумчиво смотрит на него. Раздаётся стук в дверь.

Петренко: Войдите!

Входит Орехов, хмурый и неприветливый: Здравия желаю, товарищ капитан!

Петренко: Здорово, Иван. Проходи, садись. Ну, и что мы будем с этим слепым делать, если подтвердится, что он действительно слепой?

Орехов: Пусть сначала подтвердится, потом видно будет.

Петренко: Чай будешь?

Орехов кивает, Петренко, повышая голос: Анисимов, принеси нам чайку.

Орехов: Вот вы, товарищ капитан, добрым быть хотите, время тянете, а если этот Попов и вправду шпион?

Петренко: Пусть посидит пока, раз шпион. Ты пей чай, Иван, остынет ведь.

*Окончание. Начало читайте в № 3 за 2020 г.

Дверь открывается, входит Гиреев. Петренко и Орехов встают, вытягиваются по стойке смирно.

Гиреев: Вольно, товарищи командиры. Сергей, распорядись и мне чайку с морозу. Ну, что тут у вас интересного? Говорят, вы слепого шпиона поймали. Рассказывайте, не томите.

Петренко: Да понимаете, Сергей Николаевич, сами пока толком ничего не знаем. Привели вчера штатского, в очках, с палкой и баяном.

Гиреев с интересом разглядывает баян, читает табличку, неопределённо хмыкает. Петренко достаёт из сейфа документы и передаёт их Гирееву.

Петренко: Представьте себе, этот самый Михаил Попов, который по документам и вправду слепой, заявляет, что хочет воевать с фашистами, мол, и радист он, и стрелок, и на баяне играет, и драться умеет. Понимаете, слепой — и воевать! Ну, мы, конечно, обалдели слегка, Михаила этого под замок, запрос на него ещё с вечера отослали, через пару дней ответят, там и будем решать.

Орехов: Да чего там решать?! Самый настоящий шпион. Искусно прикидывается слепым, а документы поддельные. Или украденные, или с мёртвого слепца взятые. Дайте мне его допросить, я через пару часов его на чистую воду выведу!

Петренко (укоризненно качает головой): Ты, Иван, после контузии совсем меры не знаешь. У тебя кто хочешь во всём признается.

Гиреев: Товарищи, давайте поступим так. Ведите сюда вашего баяниста, хочу на него глянуть. Я со слепыми в жизни встречался, думаю, разберусь.

Петренко: Анисимов! Как там задержанный? Чаем его напоили?

Сержант: Так точно, товарищ капитан. Нормально задержанный. Чаем напоили, хлеба дали!

Петренко: Давай его сюда!

В комнате устанавливается молчание. Гиреев пьёт чай, листая документы задержанного. Орехов нетерпеливо ёрзает на стуле. Петренко разглядывает трость и баян. Открывается дверь, сержант вводит Михаила.

Гиреев: Здравствуйте, гражданин Попов. Проходите, присаживайтесь. Я начальник политотдела, старший батальонный комиссар Гиреев.

Гиреев внимательно смотрит на Михаила. Тот, пощёлкивая пальцами, медленно подходит к стулу, ощупывает его и садится.

Гиреев: Наслышан о вас, гражданин или всё же товарищ Попов. И, честно говоря, впечатлён. А не могли бы вы продемонстрировать нам ваши способности? Сначала, например, музыкальные.

Михаил: Да, конечно, товарищ старший батальонный комиссар. Всё что хотите могу сыграть, я даже и институт специальный закончил, музыкальный. А можно мне баян мой?

Петренко: Это который от всесоюзного старосты?

Берёт баян, ещё раз смотрит на табличку и передаёт его Михаилу.

Гиреев: Давай «Марш авиаторов», мы же десантники как-никак.

Михаил играет.

Гиреев: Да ты просто виртуоз! Видать, в своём институте отличником был! А чем ещё порадуешь? Мне тут про тебя уже столько порассказали.

Михаил: А ещё я радист, товарищ старший батальонный комиссар. Я в ОСОВИАХИМе учился, могу почти на

любой станции военной работать и починить могу, если детали будут и паяльник, конечно.

Гиреев: Не врешь? А вот сейчас и проверим. (Подходит к тумбочке в углу комнаты, берёт трубку телефона). Сосна, я Большой. Косарева позови к телефону. Косарев! Слушай, ты мне пару дней назад жаловался, что у тебя «Северок» накрылся, а чинить некому. Значит, берешь свои железяки, инструмент какой есть...

Михаил: И детали запасные, и батареи...

Гиреев: И детали запасные, и батареи. И пулей в особый отдел к Петренко со всем барахлом. Что значит зачем? Затем, что я приказал. Выполняй.

Петренко и Орехов переглядываются. Орехов недоверчиво качает головой. Петренко улыбается. Михаил немного нервничает.

Гиреев: А что, Михаил, как там Подольск сейчас поживает. Бомбит его фашист? Кстати, ты где там жил?

Михаил: У вокзала, где водокачка, знаете? А город бомбили гады, да. Одна бомба прямо в военкомат попала. Народу положило — ужас. Друзья у меня там были, добровольцами на фронт собирались. Да не судьба. Вот я за них и пришёл. Правда, товарищ батальонный комиссар, я обузой не буду, не смотрите, что слепой.

Входит майор Косарев. В руках у него радиостанция, за спиной тяжёлый вещмешок.

Гиреев: Так, Косарев. Раскладывай на столе свои железки, сейчас мы тебе будем показывать фокусы. Да, Михаил? Познакомься, майор. Михаил Попов, слепой радист, сейчас он тебе покажет, как надо чинить радиостанцию. Какая у тебя рация, Косарев?

Косарев (ошарашенно смотрит на Михаила): Радиостанция «Север»...

Михаил (подхватывает): Симплексная, телеграфная, переносная, с батарейным питанием. Приёмник прямого усиления, трёхкаскадный, с регенеративной обратной связью, выполнена на трёх малогабаритных лампах: пентод типа 2К2М...

Косарев (прерывает Михаила): Ничего себе! Ты где этому всему научился?

Орехов (вполголоса, обращаясь к Петренко): В разведшколе немецкой, где ещё.

Петренко молча делает знак Орехову, чтобы тот молчал.

Михаил: И опять вы зря, товарищ командир, говорю же вам, я советский человек, комсомолец.

Гиреев: Ну и слух у тебя, Михаил! Я и то не услышал, о чём они там. А вы, орлы, потише, у нас тут серьёзное дело. Вот, Михаил, тебе задание. Рацию эту горе-бойцы майора Косарева грохнули, и она, видите ли, сломалась. Осмотри аппарат и приведи его в чувство. Сейчас каждая рация на вес золота, а эти разгильдяи! Ну что, берёшься? Или не по зубам орешек?

Косарев: Товарищ комиссар, мы уж второй день над ней бьёмся, и всё никак. А рацию эту при артобстреле в блиндаже у Федотова со стола сбросило.

Гиреев: Сбросило! А кто за техникой следить должен? Рапорт напишите оба — и ты, и Федотов. Подумаем, что с вами делать. А пока давай раскладывай своё хозяйство.

Косарев ставит на стол рацию, достаёт из вещмешка батареи, запасные детали, паяльник, пинцет, отвёртки, вольтметр.

Гиреев: Так, Михаил, отставь пока баян и смотри, в смысле слушай. Перед тобой на столе рация и всё ос-

тальное. Даю тебе час времени. Теперь всё в твоих руках, товарищ радист.

Михаил легко пробегает пальцами по рации и инструментам.

Михаил: Я постараюсь, товарищи командиры, только вы мне говорите, что прибор будет показывать, а то без глаз мне сложно.

Косарев: Товарищи, может быть, вы не расслышали. Мы два дня над этой заразой бьёмся, а тут вслепую — и за час!

Гиреев: Будешь его глазами, майор, садись рядом и смотри, как работать надо.

В кадре тонкие пальцы Михаила. Он плавными движениями поворачивает рацию, отворачивает винты, снимает заднюю крышку. Косарев заворожённо смотрит на руки Михаила. Гиреев поглядывает на Орехова, тот хмурится, кусает губы. Петренко внимательно следит за руками Михаила, удивлённо покачивает головой. Михаил немного запрокинул голову назад, губы его что-то шепчут. Он ощупывает лампы, вынимает одну из них, берёт в руки то пинцет, то отвёртку, проверяет соединения вольтметром. Работает быстро, уверенно. Наконец Михаил откидывается на стуле. Рация оживает, зажигается индикатор, вздрагивают стрелки приборов.

Михаил: Товарищ старший батальонный комиссар, ваше задание выполнено. Но плату с пентодом надо пропаять как следует. И антенну подключить.

Гиреев: Вот так, Косарев. Учись. Понял, что надо делать?

Косарев (ошарашенно): Понял, товарищ комиссар. Разрешите идти?

Гиреев: Свободен, майор.

Косарев собирает технику, козыряет и уходит.

Гиреев: Да, Михаил, удивляешь ты меня. Всё больше и больше. Так что там у тебя со стрельбой, говоришь?

Михаил: Я, товарищ старший батальонный комиссар, с детства стрельбой на слух увлекаюсь, в нашем тире со мной даже специально занимались и мишень из часов с кукушкой сделали, так я почти всегда в неё попадал.

Орехов (шёпотом Петренко): Точно шпион!

Михаил (укоризненно): Товарищ командир...

Орехов (с досадой): Да чтоб тебя!

Петренко: Разрешите, Сергей Николаевич! У нас тут рядом есть место, чтобы пострелять. Может, посмотрим, как это — вслепую!

Орехов: Да всё он видит! Дадите ему оружие, так он нас перестреляет как куропаток!

Гиреев: А ты уже и забоялся, герой?! Всё, пошли, постреляем. Давай, Сергей, командуй.

Петренко: Анисимов! Одеть задержанного и отвести его в наш... как бы это... тир. (Сержант удивлённо поднимает брови.) Ну, туда, куда по разным делам ходим... Стрелять тоже... Мы сейчас подойдём. Выполняйте, сержант.

Анисимов подходит к Михаилу, касается его плеча. Михаил встаёт, поворачивается и, пощёлкивая пальцами, уверенно идёт к двери. Сержант за ним. Они выходят.

Петренко, Орехов, Гиреев надевают шинели.

Петренко: А что это за фокус с пощёлкиванием пальцами, как вы думаете?

Орехов (зло): Это он нас нарочно путает, типа слепой он, а сам вон как в дверь лихо вышел.

Гиреев: Это у слепых такой метод. Щёлкают пальцами и по эху определяют, где препятствие. Только слух

надо иметь особый, не у всех он такой, даже не у каждого слепого.

Петренко: А вы с ними сталкивались, товарищ комиссар, со слепыми?

Гиреев: Да, было дело, ещё до войны. А этот, похоже, и правда слепой, никакой шпион так не сыграет.

Орехов: Ещё как сыграет!

Гиреев: Успокойтесь, товарищ лейтенант. Всё хорошо в меру.

Все выходят.

Задворки особого отдела. Покосившийся сарай, на двери следы от пуль, к поломанному забору прислонена грубо сделанная мишень. За забором поле, вдали лес. Сбоку сержант с автоматом наперевес и Михаил, зябко кутающийся в пальто. Кричат вороны, под ногами лежит первый снег, холодно и сыро...

Гиреев: Ничего себе тир устроили. Это ж надо, рядом с отхожим местом! Ладно, давайте уж начинать, юмористы.

Гиреев: Так, Михаил, смотри, в смысле, слушай. Держи пистолет.

Достаёт из кобуры ТТ, вставляет три патрона. Михаил протягивает руку, Гиреев вкладывает в неё пистолет. Михаил опускает руку с пистолетом вниз. Орехов невольно напрягается, открывает кобуру.

Михаил: К стрельбе готов, товарищ старший батальонный комиссар!

Гиреев: Ты же по звуку стреляешь, мишени как раз впереди тебя. Орехов! Возьми камешки какие-нибудь, вон щебень лежит, будешь по одному в мишени кидать. И не спеши. Так нормально будет, Михаил?

Михаил: Нормально. Можно даже побыстрее кидать, я смогу.

Орехов: Может он... Давайте ему глаза завяжем для чистоты эксперимента, а то больно он шустрый.

Гиреев: А что, можно. Анисимов! Принеси полотенце, что ли.

Сержант закидывает автомат за плечо, бежит в дом.

Петренко: Да, интересный денёк выдался, никакого цирка не надо.

Орехов (не сводя глаз с Михаила и держа руку на кобуре): А вам, товарищ капитан, разве смешно? Развели тут антимонию...

Появляется Анисимов с полотенцем, подходит к Михаилу, завязывает ему глаза и поворачивает его лицом к мишеням.

Гиреев: Готовы, орлы?

Михаил: Готов, товарищ батальонный комиссар.

Михаил поднимает руку с пистолетом в сторону мишеней, вторую руку по-ковбойски кладёт сверху. Орехов и Петренко переглядываются.

Орехов: Это ж кто его учил так оружие держать?

Гиреев: Лейтенант, по команде «огонь» кидайте камешки по мишеням. Ну, Михаил, огонь!

На экране крупным планом напряжённое лицо Михаила. Стук первого камня о мишень, грохот выстрела, пуля вонзается в мишень. Летит второй камень, стук, выстрел, пуля попадает в доску. Третий камень, и опять точное попадание. Патроны кончились, затворная рама отведена, руки Михаила сжимают рукоятку пистолета, над его стволом вьётся дымок. Михаил бледен, с виска стекает капля пота.

Гиреев: Вот это да! Снайпер! Где ты учился стрелять, говоришь? И главное, у кого?

Михаил (протягивая пистолет Гирееву): В нашем подольском ОСОВИАХИМе. Инструктором у нас был Вла-

димир Иванович Коркин. Он на Халхин-Голе воевал и в Испании тоже. Он меня ещё и драться учил.

Гиреев: Да, видно руку мастера. Коркин, говоришь, стрелять и драться тебя, слепого, выучил. А если так?

Гиреев внезапно замахивается на Михаила, тот легко уклоняется, перехватывает и сжимает его руку, потом её отпускает.

Михаил: Это просто, товарищ батальонный комиссар. Когда противник рядом, я по его дыханию определяю, когда он начинает двигаться. На большой дистанции сложнее, конечно.

Гиреев: Железная у тебя хватка, Михаил. А по виду и не скажешь. Ладно, хватит на сегодня подвигов. Сергей, распорядись, чтобы парня накормили как следует.

Петренко: Анисимов! Задержанного в камеру и покормить. Как следует. И смотри у меня!

Кабинет Петренко. За столом сидят Гиреев, Петренко и Орехов.

Гиреев: Ну что, товарищи командиры, какие будут мнения?

Орехов: Разрешите, товарищ старший батальонный комиссар. По моему мнению, всё, что здесь происходит — результат хорошей подготовки в немецкой разведшколе. Видать, отличником был, гад. Разрешите мне его допросить как следует и...

Петренко: погоди, Иван. Сергей Николаевич, мы вчера запрос в Подольск послали, завтра, думаю, ответ придёт, тогда и решим.

Гиреев: Завтра так завтра. Но даю голову на отсечение, что парень наш, советский, просто такой — особенный. И Коркина этого я, кажется, знаю. В общем, так. Я тут кое с кем свяжусь, выясню по своей линии. Если

завтра по бумагам всё будет нормально, отведёте парня к Косареву, скажете, что я приказал принять на довольствие, с командиром я сам договорюсь. И дать парню комсомольское поручение: каждый вечер играть для бойцов на баяне. Да, вооружить пистолетом. Пока всё. Ну, я пошёл, и вы не засиживайтесь, немец что-то, похоже, затевает, потом спать будет некогда.

Гиреев встаёт. Орехов и Петренко тоже. Гиреев подходит к двери.

Гиреев: Ну, бывайте, товарищи командиры.

Дверь за ним закрывается.

Орехов: И этот туда же. Вижу, охмурил вас этот слепец липовый. Но я это так не оставлю, товарищ капитан, имейте в виду!

Петренко: Я, товарищ лейтенант, вас буду иметь... в виду. Пока идите, а завтра, как ответ по Попову придёт, сразу ко мне. Приказ товарища старшего батальонного комиссара запомнили, надеюсь.

Орехов: Запомнил, товарищ капитан! Разрешите идти?

Петренко: Идите!

Орехов подчёркнуто тщательно отдаёт честь и уходит.

Петренко: Вот напасть на нашу голову! Чувствую, хлебнём мы.

ЭПИЗОД 3

Оборона

Линия глубоких окопов на передовой, земля слегка присыпана снегом, вдали слышна канонада. На дне окопа рядом с пулемётной ячейкой сидят три бойца, они едят кашу из котелков и разговаривают.

Первый боец — Андрей (рядовой, невысокий, жилистый, на руке наколка): Слышь, Петь, а твоя-то зазноба пишет тебе, не забывает?

Второй боец — Пётр (ефрейтор, крупный мужчина с простым открытым лицом): А тебе всё знать надо! Достал ты меня, Андрюха, точно по шее получишь. Своей бабы нет, так он к другим пристаёт.

Третий боец — Евгений (рядовой, в очках, худой): Значит, не пишет. Вы, Пётр, не расстраивайтесь, мало ли что бывает, война ведь. Может, эвакуация или ещё что.

По окопу, пригнувшись, к ним подходит Михаил, он в тёмных очках, за плечами у него баян, в руках трость

Андрей: Опаньки, а это ещё кто такой музыкальный?

Михаил пригнулся, провёл рукой вокруг себя, нащупал выступ, сел, поставил баян на колени.

Михаил: Товарищи бойцы, по поручению старшего батальонного комиссара рядовой Михаил Попов прибыл для исполнения музыкальных произведений для поднятия вашего боевого духа! Ух, пока до вас доберёшься, семь потов сойдёт, хорошо, хоть не жарко.

Пётр: Да уж, не жарко. Это пока не жарко, боец. Пока немец не полезет. Слышь, служивый, а ты чего в очках тёмных и с палкой?

Евгений: Боюсь даже предположить. Вы что, товарищ, слепой?

Михаил: Так точно, слепой.

Андрей: Слепой? Вот это да! Рассказать кому — ни за что не поверят. И как ты к нам попал, слепой?

Михаил: Долгая история, потом расскажу. Доброволец я, в общем. Да ладно, не обо мне речь. Заказывайте музыку, я вам сейчас играть буду. Ну что, начнём концерт?

Пётр: «Синий платочек» знаешь?

Михаил улыбается, наклоняет голову, начинает играть.

Андрей: Ни хрена себе — композитор!

Евгений: А вы к нам ещё придёте? Я до войны часто в консерваторию ходил. А потом какая уж тут музыка. И вдруг вы. Так придёте?

Пётр: Ты приходи, боец.

Михаил: Конечно, приду. И дело это я люблю, и товарищ старший батальонный комиссар поручил. А сейчас пойду я, мне ещё в командирский блиндаж надо. Он прямо за вами, по окопу?

Пётр: Да, тут рядом, ты только пригибайся, а то не ровен час. Ты береги себя, боец, ты сейчас людям нужен.

Командирский блиндаж. Бревенчатые стены, светильники из гильз, на стенах шинели и автоматы, лавки вдоль стен, посередине стол. На нём аккуратно сложенные и сдвинутые в сторону карты. На свободной части стола открытые консервы, нарезанный хлеб, лук, сало, кружки, помятый чайник, фляжки с водкой. Вокруг стола несколько командиров, среди них — Гиреев и военный корреспондент Сурков. Разговаривают, смеются.

Открывается дверь. В проёме боец-десантник: Товарищ батальонный комиссар! Тут рядовой Попов пришёл. Станный такой, в тёмных очках. Говорит, по вашему поручению...

Гиреев (обрадованно): А, Михаил! Заходи. Ну, товарищи командиры, сейчас мы вас развеселим. А товарища Суркова удивим, ещё как удивим!

В дверь, ощупав рукой косяк, входит Михаил. Останавливается посередине блиндажа.

Михаил: Товарищ старший батальонный комиссар, товарищи командиры! Рядовой Попов для выполнения комсомольского поручения прибыл. Разрешите приступить?

Гиреев: Здорово, Михаил! Как служится, вопросы есть?

Михаил: Никак нет, товарищ старший батальонный комиссар! Всё в порядке!

Гиреев: Вот, познакомьтесь. Товарищ Сурков, это наша гордость. Рядовой Попов. Представьте себе — слепой боец, который и радист, и музыкант, а ещё и стрелок. Михаил, а это товарищ Сурков, знаменитый поэт, стихи его вся страна наизусть знает, а уж песни!

Сурков: Ну, уж и вся. Эк ты размахнулся, Сергей Николаевич. Давай лучше с бойцом твоим необыкновенным поговорим. Ты что же, Михаил, и вправду слепой?

Михаил: Так точно, товарищ Сурков. Но это неважно. Я комсомолец и теперь боец Красной армии. Я готов любое задание Родины выполнить, которое смогу. Сейчас вот на радиоузле служу, радист я. И вот поручение товарища Гиреева выполняю — поднимаю боевой дух личного состава. А можно вопрос, товарищ Сурков, это вы песню «В землянке» написали? Уж очень хорошая песня, там такие слова...

Сурков: «В землянке»? Да, мои слова. Мы в прошлом году под Истрой в окружение попали, думал, всё уже. С женой в душе попрощался, ну, и набросал несколько строк. Потом, как выбрались, дописал и жене в письме отправил, ну а потом уже Костя Листов их увидел и музыку написал.

Михаил: И музыка такая душевная...

Михаил начинает играть, затем поёт «Землянку». Все слушают, затаив дыхание.

Сурков: Да, Михаил, удивил ты меня. Много я разных исполнителей слышал, но такого — первый раз!

Гиреев: Что я и говорил, Алексей Александрович! Не зря мы гвардия, у нас всё самое лучшее. Один баянист

чего стоит! Михаил все песни знает, какие есть, можете его попросить, он такого жару дать может. Давай, Федотов, заказывай на правах хозяина.

Федотов, немолодой худощавый мужчина со следами ожогов на лице, задумывается ненадолго, потом обращается к Михаилу: Михаил, а ты песни про танкистов знаешь?

Михаил: Конечно, товарищ капитан. «Три танкиста» подойдёт?

Михаил начал играть, когда закончил, все весело улыбались.

Федотов: Спасибо, боец! Мы им ещё покажем, гадам. И на танках, и без...

Гиреев: Ещё как покажем! Победа будет за нами! Давайте за победу по маленькой, а ты, Михаил, сыграй повеселее что-нибудь...

Михаил начинает играть «Барыню».

Гиреев: Молодец, Михаил. Отвели душу, а то всё война да война...

Сурков: Повезло вам, Сергей Николаевич. Ты береги парня, талантище, после войны нам такие ой как понадобятся, да и на войне тоже. Надо мне про него в газете написать, больно он мне в душу запал.

Гиреев: Точно, Алексей Александрович, прославим бойца, вот родня порадуетя!

Михаил: Спасибо, конечно, товарищ Сурков, но я пока что никаких подвигов не совершал. Вы лучше о наших ребятах напишите, они уже прошли сколько и скоро снова в бой. А я... Ну кто я такой?

Сурков: Не скромничай, Михаил. Вот напишу, в газете прочитаешь... ребята тебе прочитают. Тогда и будешь судить.

Михаил: Вам, конечно, видней, товарищ Сурков. Разрешите идти, товарищ старший батальонный комиссар?

Гиреев: Спасибо тебе, Михаил. Свободен! Да, дойди до медсанбата, сыграй там ребятам, они рады будут, это от нас сразу налево, метров пятьсот, сначала по траншее, а там тропка выведет. Не потеряешься?

Михаил: Никак нет, товарищ батальонный комиссар!

Михаил отдаёт честь, подхватывает трость и выходит из блиндажа.

ЭПИЗОД 4

Медсанбат

Михаил подходит к лазарету, у калитки стоят Галя и её подруга Катя, они о чём-то разговаривают. Увидев Михаила, Галина улыбается. Михаил останавливается рядом с девушками.

Галина: Кать, ты смотри, у нас сегодня, кажется, концерт будет. Ведь вы Михаил, да? Я видела, как вы на прошлой неделе к нам в часть пришли, вас ещё в особый отдел...

Михаил: Здравия желаю, товарищи медработники. Рядовой Попов, радист, прибыл для проведения культурно-массовой работы.

Галина: Младший санинструктор Беленская... Галина.

Катя: Младший санинструктор Смирнова. Катя. Можно Катюша.

Михаил: Вот она и будет первым номером нашего концерта. Подпоёте, девушки? Где тут у вас концертный зал?

Галина: За мной, рядовой Попов. Прямо и за дверью налево. Вас проводить?

Михаил: Если только самый первый раз. Я потом запомню.

Галина берёт Михаила под руку и ведёт его в медсанбат, Катя за ними. Галина оборачивается и показывает Кате язык. Катя улыбается и качает головой.

Галина вводит Михаила в большую палату, на кроватях лежат раненые, они в бинтах, рядом с некоторыми костыли. За окнами уже темно, а палата ярко освещена. Галина ставит Михаилу стул, он садится и берёт баян. Раненые с интересом смотрят на Михаила. Один из них, с забинтованными глазами, поднимает голову, пытаясь расслышать получше, что происходит.

Галина: Товарищи раненые. Сейчас для вас выступит баянист Михаил Попов. Он, товарищи, совсем слепой, но пришёл к нам в часть, чтобы бить фашистов, он служит радистом.

Раненый с забинтованными глазами: Что, совсем слепой? А не врёте? Прямо так и служит?

Михаил: Прямо так и служу. Глаза — это ещё не всё. Если руки-ноги на месте, а главное голова есть, можно и служить. А музыка и вообще для нас, слепых, самое что ни на есть подходящее занятие. Так что давайте, заказывайте. Начнём концерт! А первая песня у меня уже есть. Надеюсь, слова все знают, подпевайте, не стесняйтесь!

Михаил начинает играть «Катюшу», потом другие песни по просьбам раненых. Когда концерт закончен, Галина подходит к Михаилу и ласково касается его щеки.

Галина: Спасибо, Михаил.

Михаил: Спасибо, Галина. Я ещё приду, ладно? Вы такая красивая!

Галина: А ты уж и разглядел как-то, боец!

Михаил: Я знаю, правда. Я вижу...

В дверях палаты появляется лейтенант Орехов.

Орехов: Рядовой Попов! Ты что тут делаешь? Твоё место на радиоузле.

Михаил: Товарищ лейтенант, я выполняю поручение старшего батальонного комиссара по ведению культурно-массовой работы.

Орехов: Не валяй дурака, Попов, быстро на радиоузел.

Михаил встаёт, берёт трость и баян и уходит в сопровождении Кати. Расстроенная Галина остаётся в палате.

Галина: Концерт окончен, товарищи бойцы, если только товарищ лейтенант нам что-нибудь не споёт.

Орехов: Что вы себе позволяете, товарищ младший санинструктор? Всё товарищи, отдыхайте, восстанавливайте силы, спокойной ночи.

Под гул разочарованных голосов раненых Орехов и Галина выходят из палаты и останавливаются на крыльце.

Орехов: Галочка, ну что с вами? Мы не виделись всего несколько дней — и такие перемены.

Галина: А где мой верный рыцарь? Вместо него я вижу деспота, способного обидеть слабого.

Орехов: Это кто слабый? Этот ваш слепой стреляет лучше любого зрячего. И что вы в нём нашли? Я, в отличие от Гиреева, ему до сих пор не верю, вполне может быть, что он вообще шпион.

Галина: Да что вам везде шпионы мерещатся?! Сразу видно, что вы из...

Орехов: Договаривайте уж. Из органов? Да, из органов. И врагов мы видим насквозь, мы всё знаем и всё помним. И про вашего отца тоже всё помним. Или вы думаете, что всё прошло и забыто? Ошибаетесь, Галочка. Прощайте!

Орехов резко поворачивается и сбегает с крыльца. Галина смотрит ему вслед и молча плачет.

ЭПИЗОД 5

На передовой

Ночь, тишина, мороз усиливается. На первой линии окопов в пулемётной ячейке Михаил и бойцы — Андрей, Пётр, Евгений. Они молча набивают пулемётные ленты патронами. Только Михаил тихонько наигрывает что-то грустное и вдруг останавливается и напряжённо прислушивается.

Михаил: Мужики, не слышите? Что-то там у немцев происходит. Лязгает что-то, лошади ржут.

Андрей: Ты, Миш, не придумывай. Разведка наша неделю уже ползает у них по тылам и ничего не находит.

Михаил: Ладно, пойду я, мне на дежурство заступать скоро. Буду на КП у Федотова. А вы уж тут смотрите. Непокойно как-то...

Михаил берёт баян и уходит. Не успевает он дойти до блиндажа КП, как со стороны врага раздаются оружейные залпы. Пулемётчики кидаются по местам, открывают огонь.

Андрей: А ведь Мишка же говорил... Сколько же их, гадов?

Пётр: Огонь, Андрюха! Женька, ленты!

Бой длится всю ночь. Под утро в блиндаже командного пункта командир батальона капитан Федотов и Михаил в наушниках рядом с рацией.

Федотов: Михаил, связь есть? Дай микрофон. Заря! Заря! Я Холм! Слышишь меня? Занять оборону и держаться до последнего. Ты понял, Заря, до последнего!

Сильный взрыв, падают брёвна перекрытия, рация разбита.

Федотов: Чёрт! Так, Михаил, я пошёл, ты отсюда — никуда...

Капитан хватает автомат и, пригибаясь, выбегает из блиндажа. Михаил на ощупь находит автомат, закидывает за спину баян и, вытянув вперёд руку, выходит из блиндажа в окоп.

На переднем крае слышны крики и выстрелы. Михаил быстро идёт в сторону выстрелов. За плечами у него баян, в руке автомат. Он доходит до пулемётной ячейки, где сидел вчера с друзьями.

Михаил: Мужики, вы как?

Ему никто не отвечает. Он ощупывает землю вокруг себя. Мина попала в ячейку, пулемёт разбит, Пётр, Евгений и Андрей убиты. Михаил поднимает лицо вверх, губы его дрожат.

В окоп скатывается капитан Федотов. В его руках дымящийся автомат. Он с удивлением смотрит на Михаила, его лицо в крови.

Федотов: Ты что, сдурел? Ранен? Живо беги отсюда, я приказываю!

Подбегает санитар, бинтует Михаила. Он прислушивается: среди грохота выстрелов он услышал крики на немецком языке. Он поворачивается лицом в их сторону и берёт автомат.

Перед окопом появляется цепь немцев в серой форме вермахта, Михаил отталкивает санитаря и начинает стрелять, ориентируясь на голоса. Немецкий офицер заметил Михаила, что-то крикнул, и Михаил тут же выстрелил на голос. Офицер упал. Михаил быстро прячется в окопе, и пули пролетают над его головой. Нагнувшись,

он пробегает несколько шагов по окопу, прислушивается и короткой очередью стреляет по немцам, целясь на голоса, потом опять бежит по окопу, снова прислушивается и снова стреляет. Рядом с ним заняли позицию Федотов и несколько бойцов, сразу заработал пулемёт, потом второй, третий. Немцы прекратили атаку и отступили. Огонь стихает.

Федотов: Молодец, Мишка! Чёрт слепой, это надо ж!

По траншее к ним приближается запыхавшийся боец с распоряжением из штаба.

Боец: Товарищ капитан, вам приказ! Полковник убит, вместо него старший батальонный комиссар. Ваш батальон должен на этом участке атаковать немцев, иначе они в тыл нам зайдут, а там медсанбат, и вообще.

Федотов: Да о чём они там думают?! С кем мне в атаку идти, от батальона, дай бог, рота осталась!

Михаил: Медсанбат ведь, товарищ капитан...

Федотов: А то без тебя не понимаю! Давай быстро в тыл, чтоб глаза мои тебя не видели!

Михаил отрицательно качает головой. Федотов приподнимается и громко кричит: Батальон, к бою! За Родину, за Сталина, в атаку!

Федотов встаёт в полный рост, Михаил поднимается следом за ним, разворачивает баян и начинает играть «Вставай, страна огромная...». Бойцы бросаются в атаку. Впереди капитан и раненый Михаил с баяном в руках. Отступая, немцы отчаянно отстреливаются. Михаила зацепило осколком, он падает, но, стиснув зубы, продолжает играть. Бойцы идут в атаку под звуки его баяна.

К Михаилу подбегает Галина с медицинской сумкой, бинтует его раны.

Галина: Потерпи, Мишенька, сейчас я тебе помогу!

Появляются санитары, кладут Михаила на носилки и несут с передовой. Галина со слезами на глазах смотрит им вслед, потом спешит к следующему раненому.

У входа в медсанбат рядом с носилками Михаила останавливается Гиреев, он ранен, рука на перевязи.

Гиреев: Михаил, живой? Ты герой, Михаил. Я с КП вашу атаку видел. Если бы не вы, хана бы нам всем... Буду ходатайствовать о присвоении тебе звания Героя Советского Союза.

Михаил улыбается и теряет сознание.

ЭПИЗОД 6

Баллада о слепом солдате

Михаил в маленькой палате медсанбата полулёжа в кровати тихо играет на баяне и напевает «Землянку». Рядом на стуле сидит Галина и негромко подпевает. В палату входят Гиреев и Сурков. Галина вскакивает и встаёт по стойке смирно.

Галина: Товарищ старший батальонный комиссар. Младший санинструктор Беленская.

Гиреев: Все с вами ясно, младший санинструктор. Тебя как звать-то, певунья?

Галина (смущаясь): Галина.

Гиреев: Ну что, Галина, как наш герой?

Галина: Идёт на поправку, товарищ старший батальонный комиссар.

Михаил: Здравия желаю, товарищи командиры! Только какой я герой?

Гиреев: Герой, герой! А скоро совсем настоящим героем станешь. Командир корпуса представление подписал, так что готовься к заслуженной славе. И выздоравливай скорее, а то как в Кремль за звездой пой-

дѣшь? И ты, Галина, смотри, чтоб герой через пару месяцев был как новенький.

Михаил: Вы шутите, товарищ старший батальонный комиссар?

Гиреев: Какие тут шутки, солдат? Заслужил. Весь корпус только о твоих подвигах и говорит. Вот и товарищ Сурков про тебя стихи написал, про твой героизм на поле боя. Вот так, Михаил, считай, попал в историю.

Сурков: Ну, в хорошем смысле. История твоя и правда необыкновенная, грех о ней не рассказать. Тебе Галина прочитает, я газету привѣз. Ну, будь здоров, герой, не будем вам мешать.

Михаил: Спасибо, товарищи командиры. Только — что я, там такие ребята остались! Вы о них напишите, товарищ Сурков?

Сурков: Конечно, напишу. Обо всех, кто жизнь свою отдал за Москву, за Родину нашу... Обязательно напишу!

Гиреев и Сурков уходят. Михаил и Галина остаются в палате одни.

Михаил: Галина, знаешь, мне неловко как-то. Ребят столько полегло, а мне героя...

Галина: Теперь ты не только мой герой. Ты теперь герой всесоюзный. На бедную девушку из медсанбата, поди, уже и внимания не обратишь?

Михаил: Всё бы тебе шутить, никто мне кроме тебя не нужен! Когда ты рядом, я живу, я вижу! Я всё могу. А без тебя... без тебя я слепой!

Галина: Это что, наконец-то признание в любви?

Михаил (пытается встать): Товарищ Беленская, официально прошу вас стать моей женой! Чтобы и в радости, и в горе... и навечно... и...

Галина: Лежите, товарищ раненый жених, вам ещё рано о свадьбе думать. До свадьбы, заживёт, конечно. Но, Миш, ты, может, подумаешь ещё, знаешь, времена сейчас для свадеб не очень подходящие.

Михаил: Что такое война, я не хуже тебя знаю. И вообще — не заговаривай мне зубы. Так и скажи — куда тебе, слепому...

Галина: Миш, ну что ты. При чём тут слепой?! Ты хороший, правда. И действительно — герой. И жену заслуживаешь хорошую, чтобы никаких вопросов. А я... Миш, ты знаешь, у меня отец... (Михаил напряжённо вслушивается. Галина нервничает, её голос дрожит.) Расстреляли его, как врага народа, ещё в 38-м. А я не верю, что он враг, и тогда не верила, и сейчас. Сказать не могу никому, но не верю и всё. И маму тоже арестовали. Так что жена я для тебя, героя, так себе. Меня даже из института исключили, а тут война, я и пошла добровольно. Хотя бы так... искупить, что ли.

Михаил: Нечего тебе искупать! Сын за отца не отвечает, а уж дочь и подавно! И я читал, что бывали перегибы всякие. Ты, главное, правду знаешь. Надо только верить!

Галина: Дурачок ты у меня всё-таки, Мишка, почти Герой Советского Союза, а дурачок!

ЭПИЗОД 7

Расправа

Выздоровливающий Михаил гуляет с Галиной по больничному коридору.

Михаил: Галь, ну далась тебе эта Москва. Вот разобьём фрицев, поедем ко мне в Подольск, у меня там и комната есть, и работа. У нас в обществе слепых с этим налажено, без работы не останешься. А ты ещё, может,

и доучишься или в больницу пойдёшь, не пропадём. И от Подольска до Москвы рукой подать.

Галина: Нет, мой милый, я все же москвичка как-никак, и жить нам будет где. А общество слепых в Москве, наверное, побольше вашего, без работы и в Москве не останешься. Зато сможешь в консерваторию ходить, ты же ведь ещё и музыку сочиняешь, так ведь? Где, как не в Москве, таланты твои отшлифовывать. И для детей наших будущих в Москве лучше будет, так что и не спорь.

Михаил: Да, с тобой поспоришь, как же. Ладно, там видно будет. Надо ещё фашиста добить.

Галина: Вот-вот, война когда ещё кончится. А сначала мой герой должен выздороветь, набраться сил, а для этого он должен слушать медперсонал и выполнять положенные процедуры. И разрешено ему единственное физическое упражнение — игра на баяне. Кстати, милый, а сыграй мне что-нибудь старорежимное.

Галина и Михаил входят в палату. Михаил садится на кровать, берёт баян, играет романс «Белая акация», Галина подходит к окну. Вдруг дверь резко открывается, в палате появляется особист Орехов, на его лице недобрая улыбка.

Орехов: Товарищ младший санинструктор, вы свободны. И дверь за собой закройте.

Галина выходит.

Орехов: Рядовой Попов, собирайтесь.

Михаил (с трудом вставая): Есть, товарищ лейтенант. А в чём, собственно, дело?

Орехов: Без разговоров, рядовой, я жду!

Михаил одевается, берёт трость и выходит в коридор, Орехов за ним. Оба проходят мимо Галины. Михаил задерживается, протягивает руку, Галина дотрагивается до его руки, в её глазах слёзы.

Орехов: В чём дело, рядовой? Прямо, на выход!
Михаил убирает руку, идёт, постукивая тростью. Орехов, не взглянув на Галину, идёт за ним.

Кабинет особого отдела. За столом Петренко сидит Орехов. Перед ним стоит Михаил, за ним — автоматчики особого отдела.

Орехов: Рядовой Попов, официально извещаю вас, что ваша жена Беленская Галина Христофоровна является дочерью врага народа. Такая женщина не может быть женой Героя Советского Союза. Представление на награждение вас звездой Героя находится на согласовании в нашем особом отделе. Вам предлагается подписать заявление о разводе с гражданкой Беленской, в противном случае мы отзываем представление. Даю тебе три минуты на размышление. Думай, рядовой.

Михаил: А могу я поговорить с товарищем Петренко?

Орехов: Нет, он на ответственном задании.

Михаил: А с товарищем Гиреевым?

Орехов: Может, тебе ещё товарища Калинина позвать? Ты вообще понимаешь, где ты находишься? У тебя ещё одна минута.

Михаил: Не нужна мне ваша минута. Галя — моя жена. Я её никогда и ни за что не брошу, чтобы вы ни говорили.

Орехов: Думаешь, пригрелся за спиной у начальства и тебе всё можно? И Героя получить, и с лярвою своей остаться?

Михаил, не меняя выражения лица, делает шаг в сторону Орехова и без размаха сильно бьёт его в лицо. Не ожидавший удара, Орехов падает, к Михаилу кидаются автоматчики. Михаил резко разворачивается и подныри-

вадет под одного, тот перелетает через Михаила, падает на стол. Михаил выпрямляется и бьёт ногой в коленку второго сержанта, тот падает. Из-за стола поднимается Орехов, он кричит, на его крик в дверь вбегает ещё один сержант с автоматом и бьёт Михаила прикладом в бок. Михаил складывается от удара, подбежавшие Орехов и автоматчики бьют Михаила. Он пытается защищаться, но силы не равны, он падает, особисты продолжают бить его ногами, последний удар сапогом приходится по глазам.

ЭПИЗОД 8

Справедливость

Михаил снова в больничной палате. Лицо в ссадинах и синяках, голова перевязана. Рядом Галина, она держит его за руку, по её щекам текут слёзы.

Галина: Не надо, Миша, не губи себя. Плохая я для тебя жена. Что с тобой потом будет? Ты не знаешь, как это бывает. Я ведь через это прошла. Получишь Героя, встретишь хорошую девушку, правильную. Будешь жить как все. А так они тебе ещё и сопротивление органам припишут, а там сроки...

Михаил (улыбаясь разбитыми губами): Галь, ты знаешь, как я им врезал?! Они теперь надолго меня запомнят, сволочи. Думают, меня можно купить, пусть и звездой Героя. Или заставить. Я фашистов не побоялся, а этих паразитов и вовсе не боюсь. Вот товарищ Петренко вернётся или Гиреев. Галь, понимаешь, неправда — она неправда и есть. И она обязательно вылезет. Рано или поздно, но вылезет. Ты мне не веришь опять, а зря. И с отцом твоим всё выяснится, и с нами всё будет хорошо, вот увидишь.

Галина: Я тоже так думала. Сначала. Письма Сталину писала. А отца всё равно расстреляли, и маму потом выслали. Нет никакой справедливости, кому что суждено на роду, то и будет. Видно, судьба у нас такая. Но ты, Миш, ты ведь правда герой, и талант у тебя, а что слепой, так и не важно это вообще. Тебе жить и жить ещё.

Михаил: Нет, товарищ жена. Ни шагу назад. Герой, не герой, а я вам муж. Пусть и слепой, и дурачок, но муж. И в этом качестве приказываю вам на это досадное недоразумение наплевать и забыть.

Галина: Ничего себе наплевать! Они ведь тебя так изуродовали, служить теперь точно не сможешь.

Михаил: Нам, Героям Советского Союза, никакие врачи не указ. Вот подлечусь и снова в бой. Рядом с такой боевой подругой мне никто не страшен, ни свои врачи, ни чужие фашисты.

Галина: Миш, что за шутки дурацкие! Они тебе руку сломали в двух местах и всё внутри отбили. Это ещё хорошо, что Гиреев туда зашёл, а то бы они тебя до смерти избили. Ты ещё сам драться с ними начал, теперь точно дело заведут. И поможет ли батальонный комиссар, это ещё вопрос, у них свои игры.

Михаил: Поможет, вот увидишь. Мир не без добрых людей.

Редакция газеты «Красная звезда». Военкор Сурков сидит за столом, что-то пишет. Звонит телефон, он поднимает трубку.

Сурков: Да, слушаю. Да, Сергей Николаевич, конечно, узнал. Как ты, дорогой? Да, помню баяниста твоего. Живой, я надеюсь? А Героя своего получил? Что? На Гале женился, медсестре? Орёл! И что? Как это оказал

сопротивление? Всему особому отделу? Один слепой? Тяжёлые телесные повреждения у четырёх сотрудников? А он живой после этого? А из-за чего весь сыр-бор? Вот же негодяи! И по команде доложили, значит? Ладно, Сергей Николаевич, я тут попробую кое с кем поговорить. Звони мне завтра, комиссар.

Не кладя трубку, Сурков листает блокнот, находит нужный номер и тут же его набирает.

Сурков: Здравия желаю, Сурков беспокоит. Уделите мне пару минут, товарищ комиссар, тут такое дело, необыкновенное. У Гиреева в воздушно-десантном...

В кабинете Петренко за столом Гиреев с перебинтованной рукой, рядом Петренко. Орехов стоит перед ними по стойке смирно.

Гиреев: Товарищ лейтенант, сдайте оружие. Вы превысили свои должностные полномочия, совершив действия, не достойные командира Красной армии.

Орехов: Слушаюсь, товарищ старший батальонный комиссар. (Снимает портупею с пистолетом, отдаёт её Петренко, тот укоризненно качает головой.) Только хочу поставить вас в известность, что рапорт о нападении рядового Попова на сотрудников особого отдела мной уже направлен по команде, а это значит...

Гиреев: Ничего это не значит, лейтенант. Вот твой рапорт. А что с тобой делать, суд решит. Анисимов! Увести его!

Сержант уводит ссутулившегося Орехова. Петренко грустно смотрит ему вслед.

Петренко: А ведь он мне жизнь спас. Мы когда из окружения выходили, на мины нарвались, меня зацепило, Ваньку контузило, но он меня практически на себе

тогда выволоч. А после контузии началось у него. А с Галиной этой и вовсе с катушек съехал. Жалко его даже...

Гиреев: Тебе его жалко, а он Мишку чуть не угробил ни за что, из-за дури своей. И пятно на органы опять же. Ладно, не грусти, пойдём-ка мы с тобой в медсанбат, навестим нашего героя. Я ему тут из Москвы подарков привёз.

Палата в медсанбате. Михаил сидит, опершись на подушки. Рядом с ним Галина, чуть поодаль Гиреев и Петренко. Дверь открывается, в палату входит командир корпуса генерал Гурьев, за ним адъютант, в руках у него небольшая коробочка. Все встают по стойке смирно.

Гурьев: Вольно, товарищи. Ну, и где здесь наш герой? (Подходит к кровати Попова.) Значит так, Михаил. Героя тебе уже дать нельзя. Представление на тебя отозвали, а по второму разу — не положено. Но поскольку на поле боя ты был настоящим героем, поздравляю тебя, рядовой Михаил Попов, с первой боевой наградой — орденом Красной Звезды. Давай руку, рядовой.

Михаил (волнуясь): Служу Советскому Союзу!

Генерал вкладывает орден в руку Михаила.

Гурьев: Ну, удачи тебе, Михаил. И счастья в личной жизни, хотя, как я гляжу, оно у тебя уже есть.

Христофор Алексеевич Беленский и Ксения Дмитриевна Беленская были реабилитированы в 1955 году.

Лейтенант Орехов пал смертью храбрых в августе 1944 года при освобождении Варшавы.

Капитан Петренко дошёл до Берлина, был несколько раз ранен, награждён многими медалями.

Капитан Федотов был награждён орденом Красной Звезды, после нескольких ранений был комиссован в 1944 году.

Старший батальонный комиссар Гиреев закончил войну в Чехословакии.

Рядовой Михаил Попов весной 1943 года был комиссован по ранению. Вместе с Галиной они вернулись в Москву и прожили долгую жизнь, у них родился сын. Михаил был виртуозным музыкантом, сочинял музыку. Он ушёл из жизни в 1961 году и оставил о себе добрую и долгую память — слепой солдат, слепой музыкант, рядовой Красной армии, кавалер ордена Красной Звезды. Почти Герой Советского Союза.

*Посвящается моей прабабушке Девятириковой
Евдокии Михайловне и погибшему на фронте
прадеду Девятирикову Максиму Андреевичу.*

ТАНЕЦ ЖУРАВЛЕЙ, ИЛИ ПЛАЧ ЕВДОКИИ

*Возвращайся, мой журавлик,
Я буду тебя ждать...
Слышишь?
Буду...*

Она коснулась своим серым крылом его крыла. Он вздрогнул и поклонился ей. Они встрепенулись и в нежном менуэте то взлетали, то снова оказывались на земле. Их мягкие крылья-покрывала сплетались в неповторимые птичьи объятия; их грациозные шеи тянулись к небесам, окрашенным свежим соком спелой утренней зари. Они кружили, кружили, касались, встречались и расставались в парном птичьем танце. Удивлялось утреннее небо, как тонкие журавлиные ноги способны удержать прочность чувств и твёрдость намерений птичьих судеб...

Евдокии было почти сорок, когда она впервые увидела танец журавлей. Ранним весенним утром муж Максим привёл её в это тайное место, выбранное птицами для своих танцев. Она спокойно, но замороженно смотрела на танцующих птиц. Максим сильными мужскими руками нежно держал её за плечи и ровно дышал в пучок волнистых, слегка дымчатых волос. У них за плечами уже было многое: суетливая деревенская жизнь, семеро непосед-детишек, повседневные планы, в кото-

рых и скрывалось их простое обоюдное человеческое счастье. Они не говорили друг другу о любви, как в романтических книгах, но они молчали о ней так громко, что это было слышно улетающим зимовать журавлям.

— Что бы ни случилось, всегда помни — журавли танцуют для нас... — спокойно сказал Максим. Евдокия кивнула в знак согласия и снова устремила взор на танцующую пару птиц.

А потом случилась война... Максим уходил на фронт — сборы были спешными, а прощание сдержанным. Старшие дочери Шурочка и Маруся еле уловили в глазах отца зарождающуюся слезу. Евдокия тихо плакала, они с Максимом никак не могли расцепить пальцы... Она коснулась своим крылом его крыла. Он вздрогнул и поклонился. Ей померещилось тихое «я вернусь»...

Плачь, Евдокия, плачь об ушедшем на фронт солдате; о тяжёлой доле народа русского; о погибших отцах, мужьях, матерях и детях; о потерянном цвете мирного неба... Плачь, Евдокия, плачь — пока молчат камни, пока немеют грозы, пока тяжело дышит земля... пока танцуют журавли...

И что ей оставалось делать? Принять участь всех женщин, искалеченных войной, — научиться выживать и ждать. Как жалостлив был плач семерых детей; как пуст суп из крапивы; как приходилось питаться картофельными очистками; как холодны были зимние военные ночи; как не хватало слёз и как согревали песни и горячий чай.

Вскоре на фронт ушёл сын Евдокии Николенька — молодой резвый юноша, только-только оперившийся журавушка. Соседи успокаивали — жди, Дуняша, жди, воротятся твои журавли. Как хотелось написать про ско-

рый мир и про долгожданное возвращение близких людей, про радость встреч и счастливое завтра... Даже в годы войны Евдокия по весне ходила смотреть, как танцуют менуэт эти грустные птицы. Как-то раз Дуняша увидела одиноко танцующего журавля, почувствовала недоброе, расплакалась, а через три дня пришло трагическое известие о гибели мужа Максима.

Словами горе не передать. Война научила стойко переносить потери. Евдокия стала молчалива, куталась во влажную от слёз старенькую шаль, держала постоянно сцепленными пальцы, как бы молясь за того, кто отдал жизнь за их мир и спокойствие и кто никогда не вернётся. Известие о гибели сына Николеньки окончательно подкосило Евдокию. Слёз почти не осталось, надежды и веры тем более, только любовь ещё существовала в её замутнённой горем памяти. Она перестала верить всем, даже журавлям, на которых надеялась в казалось бы самые безысходные моменты.

Смотри, Евдокия, смотри, как женщины ждут и надеются; как летят письма сквозь прожитые годы; как растут дети, выжившие в стальных объятиях войны; как отстраиваются разрушенные города и сёла. Смотри, Евдокия, смотри — туда, где даль спокойна и неизведана, туда, где глубина рек быстрых — бездонна, туда, где ветер неистовый, туда, где танцуют журавли...

Послевоенное время было трудным, но счастливым. Люди привыкали к мирной жизни, заново учились радоваться, земля русская глубоко дышала воздухом Великой Победы. Деревню, где жила Евдокия, захлестнула волна свадеб. Невесты встречали вернувшихся солдат,

чтобы вместе из нитей сложных судеб сплести узор человеческого семейного счастья. Память Евдокии постепенно оттаивала. Её старшие дочери Шурочка и Маруся вышли замуж, а журавли, как прежде — прилетали, улетали и... танцевали. Постаревшая на полжизни, измученная горем русская женщина впервые после войны отправилась на свидание с журавлями. Казалось, их танцы стали ещё нежнее, а песни пронзительней. То ли потому, что Евдокия давно не наблюдала этого природного зрелища, то ли потому, что вспоминала своих погибших журавликов.

Это стало для неё традицией — каждую весну приходить на знакомое место для встречи с журавлями и своей памятью. Она стала брать с собой своих младших детей — дочку Евгеньеньку и сына Ваську, они были крохами, когда погиб Максим, и почти не помнили его. Женя держала маму за руку и так же, как и она, замороженно глядела на пару серых птиц, слушая рассказ мамы о журавлях. Резвый Васька не мог усидеть на месте, он был ещё мал, и ему трудно было проникнуться красотой момента.

Не просто сложилась дальнейшая жизнь Евдокии. В результате бытовой травмы она ослепла. Память сыграла с ней злую шутку. Раньше наблюдение за птичьими танцами было для неё отдушиной, визуальным кусочком добрых воспоминаний, а теперь и этого не стало. Казалось, нить воспоминаний вот-вот оборвётся. Человек ко всему привыкает и находит для себя то, что будет греть его душу. Евдокия доживала свою тихую жизнь у старшей дочери. Она начисто выметала избу, варила любимую перловую похлёбку Максима и вслушивалась

в грустные журавлиные песни. То, что память не может увидеть, она всегда сумеет расслышать...

Евдокия почти никогда не молилась Господу. Она отправляла свои мольбы журавлям и просила у них защиты. Однажды деревенские мужики подстрелили вожака в журавлиной стае. Птицы сели на землю и без него не смогли лететь. «Не стреляйте в журавлей. Я не вынесу ещё одной раны на своей памяти», — тихо просила плачущая женщина. Часто ранним утром она выходила, садилась на крыльцо и плавными волнистыми движениями тянула руки к небу. Вставшие спозаранку грибники часто могли видеть одиноко сидящую на крыльце пожилую женщину, протягивающую руки к небу и ждущую ответное журавлиное крыло...

Слушай, Евдокия, слушай отголоски военного грохота; стоны искалеченных судеб; траурные вздохи измученной памяти; тихие голоса выжившего народа русского... Слушай, Евдокия, слушай былины дождевых капель, сказания тёмных болот, золотистый смех животворящего солнца и грустные песни танцующих журавлей...

В октябре 1987 года Евдокия умерла. А в нашей семье появилась традиция — все девочки, девушки и женщины весной идут смотреть на танцы журавлей. Это способ сказать спасибо всем тем, кто отдал свои жизни войне за наш сегодняшний мир; это дань, которую мы отдаём русской женщине, восхищаясь силой её характера, мужеством, стойкостью и неумирающей любовью; это наша память, которая не умрёт никогда — пока живут люди; пока любят женщины и мужчины; пока танцуют журавли...

Помни, Евдокия, помни стук сердца погибшего солдата; вкус чёрствого чёрного хлеба; холод зимних военных ночей; скорбные лица народа горемычного... Помни, Евдокия, помни, как встаёт земля русская с колен ослабленных, как встречают люди со слезами на глазах победу долгожданную, как молятся за ушедших небо синее и реки тихие, как для тебя танцуют журавли...

МОЁ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

В ДЕТСКОМ ДОМЕ

27 января 1944 года была снята блокада Ленинграда, но въезд в город был всё ещё запрещён. Если я не ошибаюсь, в марте разрешили въезд только по пропускам. Мы с мамой решили вернуться домой, покинули приютившую нас семью дяди Толи и, нагруженные съестными припасами, направились в город Калинин (ныне город Тверь), где находился Главный штаб партизанского движения Советского Союза. Нам выдали пропуска и билеты до Ленинграда.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем сильнее нас охватывало волнение: сохранился ли наш дом? Ведь нас никто не ждал.

От Московского вокзала до нашей Моховой улицы добирались пешком, часто преодолевая завалы от разбомблённых домов. На их местах, между уцелевшими зданиями, зияли дыры. Встречных прохожих попадалось мало.

Вот и наша Моховая! На углу церковь, где по преданию венчался Пётр Первый. Стоит! Напротив дом тоже уцелел, но перед ним путь преграждала груда камней. По проделанной людьми узкой щели мы пробрались дальше. Справа дома номер сорок не было, а напротив него — сорок первый, наш дом! Уцелел! Войдя во двор, мы поспешили найти окна нашей квартиры и не могли отвести глаз, из которых непроизвольно текли слёзы.

Поднявшись на третий этаж, позвонили в нашу квартиру.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Откройте, пожалуйста! Мы здесь до войны жили.

— Теперь мы здесь живём. Уходите!

Мы стояли, окаменев. Оценив реальность, очень неуверенно позвонили ближним соседям. Дверь открылась, и нас заключили в объятия дядя Ваня и тётя Аня, муж и жена, чудом пережившие блокаду.

Дядя Ваня и тётя Аня засуетились, помогая нам раздеться, усаживая поближе к тёплой буржуйке. Только в одной комнате было тепло, где они и жили. Нас переполняли эмоции. Перебивая друг друга, мы пытались что-нибудь спросить или рассказать. Тётя Аня достала стеклянную банку, в которой была то ли крупа, то ли опилки, и хотела сварить кашу. Мы выложили на стол сало, сухари, сушёные грибы и яблоки, сушёную рыбу и баночку мёда. Я из своего тайника вытащила пять картофелин. У наших соседей глаза заблестели, глядя на это богатство.

Для нас на этом радости закончились. Жить негде. Продуктовые карточки нам не дали, так как в домовой книге мы числились умершими, хотя у мамы имелся паспорт, а у меня — свидетельство о рождении.

Меня направили в двадцать пятый детский дом, а мама жила у соседей. На работу принять её отказались. Она питалась привезёнными продуктами, экономя каждый сухарь, и ходила по судам, восстанавливая наши права.

В детском доме я встретила одну незрячую девочку — Зою и очень обрадовалась. Нас присоединили к группе сверстников, двенадцати-тринадцатилетних, но зрячие дети нас сторонились, хотя мы обе имели остаточное зрение. Шесть дней в неделю детдомовцы к девяти утра

уходили в школу, дома оставались мы и несколько дошколят.

Первые дни мы рассказывали друг другу о себе. Зоя часть блокады прожила в Ленинграде. На её глазах умерли младшая сестрёнка, бабушка, соседи. Когда открыли Дорогу жизни через Ладогу, умирающих Зою с мамой отправили в тыл. Во время бомбёжки Зою взрывной волной отбросило, она осталась жива. Её вернули в город и поместили в детский дом. Свою маму она больше не видела, но говорила о ней как о живой и ждала.

Нам было скучно. Однажды мы решили придумать свой язык, чтобы мы могли разговаривать между собой и нас никто не понимал бы. Нам было неизвестно, что уже существуют искусственные языки — эсперанто, волапюк и другие.

К созданию нашего языка мы подошли просто: чтобы разделить алфавит на две равные половины, мы выбросили твёрдый знак, вторую половину алфавита поставили на место первой и стали конструировать слова и простые фразы. Все операции проводили в уме, а всё держать в голове было трудно. Зато дообеденные часы пролетали незаметно. Когда кто-нибудь слышал нашу беседу, от удивления держался подальше от нас.

В детдом по одному и группами прибывали незрячие дети. Некоторых подбирали на улицах, других привозили из госпиталей, где они лечились после ранений, но вернуть им зрение не удавалось. Поступила шестилетняя девочка. Её звали Вера. Она была не только полностью слепая, но и с ампутированной левой ручкой.

Была создана отдельная группа незрячих. Нам выделили несколько комнат и начали обучать. Одна учительница одновременно обучала первоклассников и второ-

классников. Другая преподавала ученикам третьего и четвёртого классов. В основном обучение проходило в устной форме, что активизировало процесс запоминания. Мне, надеюсь, и другим это помогло в математике и в запоминании исторических дат.

В столовой нам предоставили отдельный стол. Нас было уже тридцать семь человек в возрасте от шести до пятнадцати лет.

Под руководством воспитательницы и двух учительниц мы сами накрывали стол к завтраку, обеду и ужину, назначая дежурных из ребят, кто имел остаточное зрение. Каждому ребёнку полагалось в день 400 граммов хлеба. Паёк делили на три равные части. Буханки хлеба разрезали на порции, каждую взвешивали отдельно. Если вес ломтя был меньше нормы, клали сверху довески. Эти довески хлеба доставляли нам много неприятностей. Некоторые зрячие дети, проходя мимо нашего стола, воровали довески и тут же их съедали. Никакие просьбы, взывания к совести, даже драки не помогали.

Над нами шефствовала одна из воинских частей, и шефы нашему детдому высылали сладости, фрукты, орехи. Эти лакомства мы раздавали своим прямо в руки каждому. В нашей группе воровства не было до тех пор, пока не появился пятнадцатилетний Ваня. Его подобрали в развалинах дома. В лохмотьях, грязного, с длинными нечёсаными и вшивыми волосами, блестящими, словно намазанными маслом.

Он был замкнут в себе, не шёл на контакты со сверстниками, путал свою фамилию. Остаточное зрение помогало ему хорошо ориентироваться. С его появлением у нас начали пропадать печенье, конфеты, мандарины и другое. На собрании группы мы высказали ему

наше возмущение. Он молча выслушал и даже не счёл нужным оправдываться. Тогда мы все свои сокровища стали прятать в шкаф под замок.

В группе сложились добрые отношения: всех объединяли общее горе и неизвестность будущего. Никто ничего не знал о своих родителях. Но каждый надеялся, что наступит день и папа с мамой или хотя бы кто-нибудь один придёт и увезёт домой.

Мы выбрали старосту группы. Он отвечал за ключ от нашего «сейфа», составлял списки дежурных по столовой и ответственных за порядок в наших комнатах. Староста так рьяно и добросовестно защищал интересы слепых, отгоняя воришек от стола в столовой, что зрячие прозвали его «Атаманом слепых».

Девочки помогали шестилетней Верочке раздеваться и одеваться, учили ориентироваться в помещении. Она старалась научиться делать всё одной правой рукой. Забегая вперёд, скажу, что Вера закончила школу слепых с золотой медалью, о дальнейшей её судьбе мне неизвестно.

На уроках нам много читали. С нами заучивали стихотворения, басни, короткие юмористические рассказы. После уроков мы собирались группками и пели песни. Кто-то предложил дать концерт для зрячих воспитанников и работников детского дома. Когда мы вынесли это предложение на собрание группы, услышали возражение: «Зрячие нас обижают, за людей не считают. Они не придут».

— А мы должны их убедить, что мы такие же люди, как они. Только нам труднее жить, — возражали остальные.

Закипела работа. Желающих оказалось много, даже пришлось устроить конкурс. На первом этаже находил-

ся зал, где стояло сильно расстроенное пианино. Одна из наших учительниц имела музыкальное образование. Ей удалось немного настроить инструмент. В группе оказались музыкально способные дети с хорошими голосами. Мы даже создали ансамбль.

Пригласили всех детей и работников детского дома. Зрители приходили со своими воспитателями. Этот концерт для нас имел огромное значение: мы должны доказать, что, несмотря на отсутствие зрения, мы можем совершать то, что и со зрением не каждый может. Верочка впервые в жизни выступала со сцены, декламировав детское стихотворение. В зале было тихо, только кто-то вздохнул, кто-то из взрослых вытер слезу.

Сначала были робкие аплодисменты, затем мы почувствовали реакцию зала. Когда запел наш ансамбль и мы предложили петь вместе с нами, в зале стало совсем тепло.

В эту ночь мы долго не могли уснуть. В спальнях мальчиков и девочек обсуждали каждый номер, не жалея критических замечаний. Мы почувствовали перемену в отношении к нам. Довески хлеба исчезать стали реже.

У нас возникла новая идея — поставить спектакль. Наши учительницы написали сценарий по повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Желающих участвовать набралось столько, что не хватило ролей. Пришлось вводить новых героев и создавать массовые сцены. К нашему удивлению на все репетиции приходил Ваня. Мы долго колебались, но наконец решили его спросить:

— Ты хотел бы участвовать в спектакле?

— А можно? — был вопрос.

Роль Квакина исполнял мальчик, который не мог сыграть отпетого хулигана, с которым боролась команда Тимура. Попробовали Ваню на эту роль и удивились: он ожил на наших глазах, да так убедительно исполнил законченного хулигана, что привёл в полный восторг и нас, и зрителей.

Я исполняла роль Жени. Накануне у меня поднялась температура, дублёрши не было. Срывать спектакль было нельзя. Я сыграла свою роль, а после спектакля меня уложили в постель с воспалением лёгких.

Теперь довески хлеба больше никто не воровал. Некоторые дети даже приходили на наш этаж. Я подружилась с девочкой Олей. Спустя много лет мы встретились на улице и вспомнили наш детский дом. Оказалось, после войны мама нашла Олю, а её отец погиб.

Наступил 1945 год. На новогодний праздник шефы прислали нам подарки. Каждый находил что-нибудь для себя неожиданное. Слышались возгласы:

— Ой! Посмотрите, что мне подарил Дед Мороз!

Нам даже привезли небольшую ёлку. Игрушек было мало, но они были сделаны руками ребят. Концерт возле ёлки был общий: все выступали, кто хотел. Роль Деда Мороза исполнял Ваня. К этому времени он вырос и возмужал. В зимние каникулы многие часы мы проводили в расположенном рядом парке. Играли в снежки, лепили из снега фигуры. После каникул прилежно учились. Каждый день воспитатели нам читали газеты, откуда мы узнавали об успехах Красной армии. Мы с нетерпением ждали этот самый важный день, и он наступил.

Ночью девятого мая нас разбудил крик воспитательницы. Перепуганные дети высыпали в коридоры на обо-

их этажах, спрашивая друг друга, что случилось. По коридорам разносилось только два слова: «Войне конец!» Когда все осознали эту радость, по всему зданию раскатилось «Ура! Победа!». Девочки в ночных рубашках, мальчики в трусах и все босиком носились по зданию, прыгали, хлопали в ладоши. Нас никто не сдерживал...

Утром девятого мая мама увезла меня домой, в нашу квартиру, которую суд вернул нам. Мама работала, разгребая завалы у Смольного, получала рабочую карточку. День был солнечный, и все люди вышли на улицы. По Литейному проспекту медленно двигались танки, пушки, другая военная техника и открытые грузовики, полные солдат, приветствующих людей, стоявших по обеим сторонам проспекта, — женщин, детей, стариков, которым они принесли мирную жизнь.

Люди подносили военным питьевую воду, чтобы утолить жажду. Двое мужчин водрузили ящик с мороженым на один из грузовиков. И солдаты с благодарностью приняли дар. Продавщица, улыбаясь, помахала им платком.

В августе вернулись из эвакуации дети нашей школы слепых и наша группа перешла в родные стены.

Жизнь продолжалась.

НАКАЗАНИЕ ЗА ГОЛОС

После войны ленинградцы получали продуктовые карточки, по которым каждому жителю полагалось равное количество продуктов в зависимости от категории карточки — иждивенческой или рабочей. От голода уже никто не умирал, но истощённый организм не мог быть удовлетворён полностью тем количеством продуктов, что

продавались по карточкам. Поэтому люди искали способы, как пополнить свои продуктовые запасы. По карточкам на месяц продавали одну бутылку водки и папиросы. Непьющие и некурящие несли их на рынок, а на вырученные от продажи деньги покупали нужные для себя товары.

Весной 1946 года папа привёз из деревни несколько цыплят. Эти пушистые комочки с красными клювиками принесли в наш дом полное осознание, что войны действительно больше нет. Папа сделал для них клетку и закрепил её за кухонным окном. Их щебет так нравился нам, что теперь мы предпочитали обедать на кухне.

Наши новые жильцы быстро росли при заботливом уходе и хорошем питании. Но количество курочек раз за разом уменьшалось. Единственный петушок вырос и превратился в красавца с изумительным голосом. Наш Петя принадлежал к породе самых голосистых петухов России. Своё «ку-ка-ре-ку» он так искусно и звонко распевал, что мы величали его «наш соловей».

Его пение днём проходило в наше отсутствие, а ночные концерты доставались нам. У Пети была ещё одна особенность: он пел точно в полночь, в три и в шесть часов утра, словно внутри у него работал часовой механизм.

Только заснёшь, а тут Петя кричит: «Хватит спать! Жизнь коротка!» В три часа петух разбудит: «Нечего пустые сны смотреть! Лучше книжку почитай!» В шесть снова будит: «Вставай! Пора работать! Страну из руин поднимать надо!»

Окна нашей квартиры выходили во двор, поэтому «концертный зал» был огромный — звонкий голос Пети был слышен в каждой квартире.

Нас начали посещать разгневанные соседи с требованиями избавиться от петуха. Один даже предложил большую сумму за него. Тогда мы убрали подвешенную за окном клетку и выпустили петуха гулять по всей квартире, а на ночь плотно закрывали все окна. Под ночные концерты мы уже привыкли спать.

Петух мужал, постоянные репетиции усовершенствовали исполнительское мастерство артиста. Кроме того, наш Петя ещё и подрабатывал: на полу квартиры теперь нигде не валялось ни крошки, ни зёрнышка.

Однажды к нам пожаловал милиционер, которого вызвали соседи. Петя тоже вышел встретить гостя. Разглядывая петуха, милиционер сказал:

— Такой курятины хватит на несколько дней. Съешьте его поскорее, да и дело с концом!

В это время петух, приняв сценическую позу, запел. Представитель власти от неожиданности отпрыгнул назад.

— Вот вам квитанция. Заплатите штраф за нарушение общественного порядка... Да ну вас всех!.. — И ушёл, не попрощавшись.

Штраф мы заплатили, а что делать, решить не могли. Речи не было о том, чтобы съесть великого певца редкой певчей породы. Жильцы дома, встречая нас, ругались, угрожали подать на нас в суд.

В одно из воскресений мы посадили Петю в сумку, молча посидели перед дорогой и поехали за город. Вышли на какой-то остановке, зашли в первый дом и спросили:

— У вас есть куры?

— Есть, но мы не продаём. А вот яйца можете купить.

— Спасибо. Вот, возьмите. Теперь у вас яиц будет ещё больше. Он ещё и артист: он очень хорошо поёт.

— Какой красавец! Мы можем заплатить вам свежими яйцами.

— Спасибо. Только одна просьба у нас: не убивайте его. Это наш подарок вам.

— Вы же из Ленинграда, возьмите свежих яиц. Мы тоже дарим их вам.

Квартира без Пети опустела. Следующим вечером к нам пришёл расстроенный сосед:

— Что случилось с вашим петухом? Был всегда такой пунктуальный, а сегодня в шесть часов не разбудил меня, и я опоздал на работу. Моего соседа куда-то увезли за опоздание!

После войны по указу Сталина за опоздание на работу могли посадить в тюрьму. Какое наказание получили опоздавшие на работу соседи, нам неизвестно.

Нашего Петю мы больше не видели, но надеюсь, он благополучно дожил до глубокой старости, ухаживая за курочками и услаждая окрестных жителей великолепным голосом.

Вскоре мы нашли альтернативное решение дополнительного пополнения продуктовых запасов: в клетке за кухонным окном поселились несколько кроликов. С этими молчаливыми животными проблем, бывших прежде, у нас не было. Зато появились другие, но это уже иная история.

ПРОБА ПЕРА

Артём Медников

Ученик Челябинской школы-интерната № 127

МОЙ ПРАДЕДУШКА

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года, когда фашистская Германия напала на Советский Союз. Это была страшная и жестокая война. Погибло очень много людей, в том числе и детей. Мой прапрадедушка Никифор Андреевич Фильчагин тоже воевал и защищал нашу Родину. Он ушёл на фронт в самом начале войны, а с 1942 по 1943 год был пулемётчиком и участвовал в обороне Сталинграда (теперь это город-герой Волгоград).

В Сталинградской битве мой прапрадедушка был очень тяжело ранен. Немецкая пуля пронзила его в области сердца. Он чудом остался жив, провёл много времени в госпитале, а потом вернулся к семье, жене и шестерым ребятишкам. Но воевать он уже не смог. Когда он вернулся, оказалось, что самый младший сыночек умер от голода, ведь в деревне во время войны было не легче, чем на фронте.

Старшей дочери к тому времени уже исполнилось 17 лет. И она решила сменить отца на фронте. Как медсестра она прошла военный путь от Москвы до Будапешта. Много раненых она спасла, вынося их на своих

хрупких плечах с поля боя. Но и её как-то спас раненый боец. Однажды переправляла она на плоту раненых. И попали они под фашистский обстрел. А медсестра Катюша плавать не умела и так бы и утонула, если бы не вытащил её тогда раненый боец. На долгие годы сохранила она благодарность своему спасителю.

Мой прапрадедущка был награждён медалью «За отвагу» и медалью «За оборону Сталинграда». Ставший инвалидом Великой Отечественной войны (у него не действовала одна рука), мой прапрадед всю жизнь проработал на Челябинском трубопрокатном заводе. Несмотря ни на что, благодаря своему мужественному характеру он продолжал трудиться для своей страны, для своего народа.

Великая Отечественная война — это подвиг каждого человека, пережившего такую трагедию! Это подвиг всего нашего народа! Я горжусь, что родился и живу в Великой России.

Леонид Мищук

Ученик Челябинской школы-интерната № 127

МОЙ ПРАДЕД

Война — это трудная, изнурительная работа, которую солдат должен выполнять без малодушия, а иначе какой же он защитник Отечества. На войне было много незаметных героев, но их кропотливая, длительная, требующая величайшего напряжения сил и воли работа помогла наносить сокрушительные удары по врагу.

Мой прадед Василий Иванович Томилов (1920 — 2001) родился в селе Гаганово Кировского района Кур-

ганской области. Жил в Гаганово, работал в Варлаковской МТС шофёром третьего класса. 11 октября 1940 года был призван в Красную армию. Служил на Дальнем Востоке в Амурской области в 237-ом строительном полку 107-ой танковой дивизии шофёром. Пред войной полк был механизирован. 21 июня полк был построен, и его личному составу зачитан приказ о переброске дивизии в Ленинград.

Началась война. Используя внезапность нападения и техническую оснащённость, немецкая армия быстро продвигалась по территории страны, стремясь захватить Москву. Полк своим ходом повернул на Смоленск, затем на Москву и в составе Западного фронта принял участие в битве за Москву. В суровых, зачастую чрезвычайно сложных условиях полк, в котором сражался Василий Иванович, закалялся, мужал, набирался опыта и, получив в свои руки даже минимально необходимое количество боевых и материальных средств, из отступающей, обороняющейся силы превращался в мощную наступательную.

Военными дорогами за рулём машины Василий Иванович проделал путь от Москвы до Австрии. Воевал на Степном, Первом, Втором, Третьем и Четвёртом Украинских фронтах. Воевал под командованием К.К. Рокоссовского. Он был искренне убеждён, что ничего особенного не совершил, что солдатское дело — без усталости воевать, а как, какими средствами, каким оружием — это обстановка подскажет.

За отличные боевые действия в боях за освобождение городов Херсона, Николаева, Одессы приказом Верховного главнокомандующего гвардии сержанту Василию Ивановичу Томилову была объявлена благодарность.

При отступлении из Одессы немцы оставили много военной техники. Полк пополнил своё вооружение немецкой высококлассной техникой, что помогло нашим бойцам с меньшими потерями выходить из трудных положений.

С болью в сердце вспоминал Василий Иванович тех, кого с неумолимой жестокостью поглотила война. «Дни героической обороны Сталинграда никогда не изгладятся из моей памяти, не уйдут в небытие, — говорил Василий Иванович. — Даже в минуты самой страшной опасности не было ужаса на лицах, солдаты были заняты делом. В горниле войны всё сплавилось». Василий Иванович Томилов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1942 года награждён медалью «За оборону Сталинграда».

Боевой путь Василия Ивановича продолжается. И вот уже его полк в составе Второго Украинского фронта штурмует на территории Венгрии город и крупный железнодорожный узел Сольнок — важный опорный пункт обороны противника на реке Тиссе. Участнику боёв за овладение на территории Венгрии городом и железнодорожным узлом Сольнок гвардии сержанту В.И. Томилову приказом Верховного главнокомандующего снова объявлена благодарность.

Я читаю эти выцветшие от времени и порвавшиеся на сгибах листы благодарностей, и моё сердце наполняется гордостью за прадеда, за наших героических воинов. Благодарности за отличные боевые действия и при прорыве обороны немцев и овладении городами Естергом, Несмей, Фельше-Галла, Татой, Горпук, Превидзе, Бановце; в боях за окружение и разгром группы немецких войск, пытавшихся отступить от Вены на север, и овладении при этом городами Корнейбур и Флоридсдорф; за от-

личные боевые действия в разгроме группировки противника в Будапеште — столице Венгрии.

Василий Иванович за высокое мастерство вождения машины и личную храбрость награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени; медалями «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией».

Демобилизовался мой прадед 30 июня 1946 года и продолжил трудовую деятельность. Более десяти лет работал шофёром в Мишкинском райисполкоме, затем на хлебоприёмном предприятии. Был награждён медалью «Ветеран труда».

Героизм моего прадеда и всех участников Великой Отечественной войны навсегда останется в нашей памяти.

Матвей Петелько

Ученик Челябинской школы-интерната № 127

НАШ ГЕРОЙ

Мой прадедущка Петелько Игнат Иванович родился 12 декабря 1910 года в станице Тимофеевка Ставропольского края.

На фронт его призвали, когда ему было 30 лет. Служил связистом в звании сержанта. В боевых сражениях проявил волевой характер, отвагу и решительность. При форсировании реки Дунай, идя за переправлявшимися подразделениями, давал связь командованию батальона. Этим он обеспечивал успешную переправу. В уличных боях за город Вену убил шесть немецких солдат. За эти действия прадедущка был награждён орденом Красной Звезды.

15 января 1945 года шли бои за деревню Сотарово Кеси. Игнат Иванович обеспечивал телефонной связью боевое охранение, с которого связь работала отлично. Кроме того, ходил в разведку и приносил ценные сведения. Благодаря им командование правильно разгадывало действия противника и точно наносило удары по врагу. За эту операцию мой прадед был награждён орденом Славы II степени.

В боях за деревню Анновка Игнат Иванович показал себя смелым и решительным, непрерывно поддерживая связь батальона с ротами. Неоднократно под сильным артиллерийским огнём противника налаживал разрывы телефонных линий. Во время боевой операции был ранен и контужен. В медсанчасти из его спины без обезболивающих уколов извлекли 24 осколка. Награждён медалью «За боевые заслуги».

В мае 1945 года, закончив войну с немецкими захватчиками в Будапеште, был отправлен на Дальний Восток, где продолжалась война с Японией.

Демобилизовался из армии 1 июня 1948 года и продолжил трудовую деятельность на Южно-Уральской железной дороге по специальности плотник-маляр. В апреле 1971 года вышел на пенсию. В его трудовой книжке мы читаем записи благодарностей за хорошую работу, за успехи в работе, за добросовестный труд!

Умер мой прадед 15 октября 1976 года.

Я не застал живым своего прадеда, и даже мой папа, родившийся в 1979 году, не успел с ним повидаться, но благодаря тому, что у нас есть дедушка Петелько Сергей Игнатьевич, сын Игната Ивановича, мы многое знаем о своём герое. Каждый год 9 мая мы с портретом прадедушки принимаем участие в Бессмертном полку и говорим всем героям этой страшной войны: «СПАСИБО!»

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Глеб Еремеев

ВОЙНА ВОШЛА В МАЛЬЧИШЕСТВО МОЁ

Война хлебами шла из-за реки,
Оттуда,
Где закаты занимались, —
Подолгу, помню, теплились штыки,
Пока солдаты в гору поднимались.
Они вошли в мальчишество моё
Сперва без дыма,
Крови
И тревоги,
А как заходят путники в жильё
Передохнуть,
Испить воды с дороги.
Попарно,
Кучками,
По одному
Солдаты не спеша к Москве пылили,
Порой у нас,
В окраинном дому,
Степенно,
Сняв пилотки,
Воду пили
И дальше, на восток, полями шли,

И все, казалось, были пожилые,
Хотя, наверно, попросту в пыли,
В обмотках серых,
Серые
И злые.
Как будто въяве
Вижу и теперь
Распахнутые настезь двери дома,
И как ложится на пол
Через дверь
Зари вечерней свежая солома,
И вижу мать у белого стола
В обнимку с чёрным чугуном картошки,
И двух солдат,
Которым подала
Моя сестрёнка
Расписные ложки.
Солдаты ели истово,
В запас,
А старший,
Рыжий,
С вислыми усами,
Рассказывал, давя бездонный бас,
И вдруг заплакал тихими слезами.
Сидел и плакал,
Тягостно,
В упор,
Не наклоняясь
И лица не пряча.
И я войну запомнил с этих пор
И до сих пор боюсь
Мужского плача.

БАЛЛАДА О ПЕРЕДОВОЙ

Между нашим домом
И войной
Только сада
Чёрные скелеты,
В золото листвы едва одеты,
Над речонкой иссиня-стальной...
Нами отданной, врагом не взятой,
Мёртвой зоной, но живой водой...
А в саду,
Под ёлкой молодой,
Корни ей солдат
Сечёт лопатой.
Справа,
Под укрытием ветвей
Тополя,
Другой зарылся в глину.
Третий же под горькую рябину
Подкопал окоп ещё правей.
И, журча
О мирном
И о прежнем,
Полноводней разве что ручья,
Речка непокорная, ничья,
Холодеет перед ними стрежнем.
А на спуске кустик бузины,
Словно часовой на карауле.
Он себя подставил
Каждой пуле
И не дожил
До конца войны.
А стрельба была

На истребленье
Всякой жизни
В зоне артогня.
И неясно было для меня,
Как держалось это укрепление.
Я не понимал тогда
Войну
И не знал ещё,
Что эти трое
Да речонки
Лезвие стальное
Оградят меня,
Москву,
Страну.

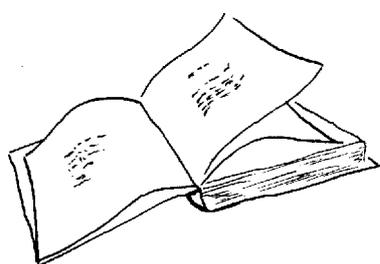
ГОЛОС ВЕТРА

Завыванье ветровое
В остывающей трубе
Воскрешает
Снеговое,
Путевое,
Полевое,
Злое прошлое в судьбе.
В сорок первом,
Отступавшем,
Тяжко раненном году,
В белом поле,
Навзничь павшем,
Я впервой узнал беду —
Это детство фронтовое
Отступило
В том году.
Ветер бился в диком вое

На пожарище
В трубе,
Всё бывшее домовое,
Огневое,
Дымовое
Разметав по городьбе.
Беззащитность,
Бесприютность,
Под обстрелом долгий путь,
А потом
Другая трудность —
Приютиться где-нибудь.
Ты крылечко то кривое
Помни, сердце,
Не забудь.
В полустоне, полуное
Ветра зимнего в трубе
Мнится
Что-то роковое,
Словно прошлое живое
Плачет
О самом себе.
Нет,
Запас ещё не вылит
Слёз,
Отпущенных войне:
Если выстрел в грудь навывлет,
Рану чувствуешь в спине,
И страданье тыловое
Тяжело,
Как на войне.
В полувсхлипе, в полуное

Ветра зимнего в трубе
Слышу,
Словно плачут двое —
Мать и я —
И в тёмной хвое
Фото вешают в избе.

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

Сколько поэтов погибло на Великой Отечественной войне, мы не знаем. И никогда не узнаем. Война и послевоенное лихолетье не самое лучшее время для бережного хранения архивов и рукописей. Сколько их погибло, сгорело, навсегда лишив нас возможности узнать творчество погибших поэтов, а их возможности хотя бы посмертно войти в литературу. Многие из них погибли совсем молодыми и не успели проявить свой поэтический дар. Мы можем только гадать, какими замечательными поэтами могли бы стать ушедшие на фронт восемнадцатилетние юноши.

Стихи в сегодняшней подборке — особенные, потому что все они написаны на фронте. Все авторы этих стихотворений погибли на войне, не дожив до Победы, в которую так верили.

ВЛАДИМИР БУЛАЕНКО

1918 — 1944

Ушёл на фронт с третьего курса филологического факультета Днепропетровского университета. 5 июля

1941 года был ранен и попал в плен. Бежал. Добрался до родного села Сорокодубы, где мать спрятала его от оккупантов и выходила. Вернувшись на советскую территорию, стал курсантом Ейской авиационной школы. Был смертельно ранен на поле боя под городом Бауска в Латвии.

Невоспетая, сероокая,
Через горы и лес голубой
Принеси мне покой, далёкая,
На уста принеси мне любовь.
Та, кто чаще ночами снится мне
В поездах ли, в бою, на часах,
Небо мне принеси под ресницами
И осеннюю грусть в волосах.
Ты, кто мной ещё не разгадана,
Принеси же мне тишины
И любовь, что никем не раскрадена
По разбитым дорогам войны.

Пути-дороги снегом замело,
По жерла снег засыпал батарюю.
Выходишь ли ты за своё село
И думаешь ли над судьбой моею?
А может быть, другому отдала
Ключи от сердца, мол, пускай заходит,
Как в дом пустой на выгоне села
Заходит путник в злое непогодье...

ДЕВУШКЕ СО СТАНЦИИ ГЛУБОКАЯ

Летели груды листьев,
Ложась под ноги отрешённо.
В жёлтопылающем монисте
Обходит осень эшелоны.
Ты вспомни, как поэт в шинели
Тебе вручил стихи несмело,
Как паутины вдаль летели
И без догляда рожь чернела.
В дни испытаний,
Битв суровых,
Когда земля в огне курилась,
Тепло очей твоих терновых
Мне по ночам в траншее снилось.

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

1919 — 1942

Летом 1941 года вместе с другими московскими студентами роет противотанковые рвы под Ельней. В октябре его просьба о зачислении в армию была удовлетворена.

Политрук пулемётной роты Николай Майоров был убит в бою на Смоленщине 8 февраля 1942 года.

ОТКРЫТКА

Когда к ногам подходит стужа
Пыткой —
В глазах блеснёт

Морозное стекло,
Как будто
Вместе с посланной открыткой
Ты отослал последнее тепло.
А между тем всё жизненно
И просто,
И в память входит славой на века
Тяжёлых танков
Каменная поступь
И острый блеск холодного штыка.

О нашем времени расскажут.
Когда пройдем, на нас укажут
И скажут сыну: — Будь прямой!
Возьми шинель — покроешь плечи,
Когда мороз невмоготу.
А тем — прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу.

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежать навтыжку и, приоткрыв гробы, —
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.

В могилах мы построились в отряд
И ждём приказа нового. И пусть
Не думают, что мёртвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

1923 — 1942

Старший сержант, командир стрелкового отделения 139-й стрелковой дивизии. До войны жил в Москве. Стихи Николай начал писать ещё в школьные годы, а потом посылал в письмах с фронта.

Призван Куйбышевским райвоенкоматом Москвы в 1941 году. Погиб под городом Зубцов во время первой Ржевско-Сычёвской операции.

Ты закрой, пехота,
Свои пыльные глаза,
Ты присядь поодаль от дороги.
Горький пот — солдатская слеза.
Пехотинца, как и волка, кормят ноги...

Мы целуем фляги
В алюминиевые губы,
Мы ласкаем «трёхлинейки»,
Словно женские тела.

Вы запрячьте, музыканты,
Позолоченные трубы,
Наша смена, наша смена
К нам пока что не пришла.

Чем пахнет смерть?
Ружейным маслом.
Солдатским потом.
Сапожной ваксой.
Чем пахнет смерть?
Сырой землёю.
И талым снегом.
Полынным зноем...
Чем пахнет смерть?
Горячей кровью.
Миндалём горьким
И хлороформом.
Чем пахнет смерть?
Какого цвета?
Ответят те,
Кого уж нету.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Александр Дорофеев

СОЛДАТСКИЕ СКАЗКИ

Ну, где же, спрашивается, солдатам сказки-то рассказывать?

Да пожалуй — где придётся! Такая уж солдатская доля. И в походе, и в окопе, и у костра на привале, и в дозоре, и на койке в лазарете, и даже при затыжном прыжке с парашютом. Вот и получают сказки — то длинные-предлинные, а то и совсем коротенькие.

Солдат, известно, шилом бреется, дымом греется. Где коза прошла, там и он пройдёт.

У солдата на всё ответ есть. И куда ни попал — всюду ему дом. Солдатская голова — как под дождичком трава. Недаром в песне поётся: солдатушки — бравы ребятушки!

В бою-то он скор, да сказывает неторопливо. Так, что каждому слову — почёт и уважение.

Негоже спешить. Быстрее пули всё равно не скажешь. А коли прервёт злодейка, найдётся, будьте уверены, другой рассказчик — продолжит не хуже, на свой манер. И непременно со счастливым концом.

Да, батюшки и матушки, солдат — человек казённый. Он и на том свете служит. В раю в барабан бьёт, чтобы

ангелы не дремали. А в аду костяным кулаком чертей гоняет — учит уму-разуму.

Как говорится, солдат промеж неба на земле — Богу свеча, государю слуга. Если он близко, кланяйся ему низко...

СЕМЁН — ЮНОШ МАЛЫЙ, ДА СОЛДАТ УДАЛЫЙ *(ДОЛГАЯ ПОХОДНАЯ СКАЗКА)*

Некоторое царство, вроде государства, кое-как расположилось. Куда ни глянь — сплошь болота, трясины непролазные. И дороги, понятное дело, все кривы да окольные, в буераках, ухабинах.

Кто в столицу едет, тому, если удача, три года пути. Ну, а другой раз так заплутаешь, что и за десять лет не обернёшься. Бывало выезжали молодые мужики, а возвращались стариками — жёны их еле признавали.

Вот и вернулся один такой бедолага в свою деревню. Глядит — хозяйка-то его уже померла, а дети повзросли. Двое ещё при нём народились — Иван да Василий. А третий, младший, совсем незнакомый. Эдакий, как бы сказать, малый юнош по имени Семён.

Погоревал бедолага, порадовался. Проснулся на другое утро, а в голове вдруг развесёлая мысль — проложить через топи и болота дорогу с тремя мостами калиновыми, чтобы пешему по ней не более месяца пути, а конному и недели хватало.

Взялись за работу всей семьёй, и так споро дело пошло, будто давно поджидало. Соскучилось дело и само теперь поторапливало.

Вытянулась дорога ровная да прямая, как оглобля, с тремя мостами выгнутыми, точно коромысла. Не толь-

ко что проехать, а и просто со стороны любо-дорого поглядеть.

Двинулся народ из конца в конец по новой-то столбовой дороженьке. А отец наказал братьям послушать, о чём путники толкуют. Спору нет — интересно!

Сидит старший Иван под первым калиновым мостом. Василий — под вторым. Ну, а малый юнош Семён — под третьим, самым гнутым. Не просто слушает, а кашу варит, проезжих угощает.

Всякий пеший или конный похваливает строителей. А для них каждое доброе слово — уже награда! И столько их было сказано, что души у братьев веселились, как малые дети на ярмарке.

К ночи прохожих поубавилось. Хотел было Иван домой бежать, как слышал тихие шаги и такую дивную речь:

— Эх, что за мост! Чудный мост! Любое желание исполню для того, кто его строил...

Тут-то Иван и выглянул из-под моста. Видит — ветхий мужичок, кривоватый, вроде серпа, а лицом светел и длинная борода серебрится.

— Будь здоров, батюшка! — говорит Иван. — Это шутка или ты взаправду — о желании-то?

— Какие шутки! — усмехается мужичок в бороду. — Только загадывай...

— Вот бы мне денег, чтоб на целый век хватило!

— Ну, пустяки, — и достаёт, откуда ни возьмись, лопату. — Где ни копнёшь, братец, всюду тебе золото явится...

Так оно и получилось. Пока шёл Иван домой, выкопал дюжину канав, и в каждой неминуемо — по пуду золотых червонцев. Всю ночь собирал.

А ветхий мужичок взошёл тем временем на второй мост и прояснел лицом пуще прежнего:

— Ах, какой мост! Сам под ноги стелется! Вот бы встретить того, кто его возвёл! Любое желание исполню!

Брат Василий уж дремал, а тут, конечно, пробудился, выскочил из оврага.

— Неужто, батюшка, любое? — продирает глаза.

— Да не сомневайся!

— Вот кабы хлеба мне на целый век!

Мужичок протягивает пригоршню зёрен:

— Посеешь, братец, и хватит урожая не только тебе, но внукам-правнукам твоим.

И верно. У самого дома Василий обронил три зёрнышка, так на утро поднялось целое поле спелой пшеницы.

Ну, а ветхий мужичок свой путь меряет. К третьему мосту — самому высокому — подошёл. Глядит, не налюбуется, и сияет, словно месяц в ночи:

— Ну, волшебный мост! Круче радуги! По такому-то легче лёгкого на небо взойти!

Увидал младшего брата Семёна и говорит:

— Проси, малый юнош, чего пожелаешь, — всё для тебя исполню!

Семён совсем недолго подумал:

— Хотел бы в солдаты — государю служить верой и правдой...

— Э-э, братец! Хорошо, сказывают, в солдатах, да что-то мало охотников, — покачал мужичок серебряной бородой. — Дадут тебе три деньги в день, куда хочешь, туда день! Солдат горемыка, хуже лапотного лыка! А жизнь солдатская — весёлое горе да горькое веселье!

— Это как раз по мне, — отвечает Семён.

— Будь по-твоему, малый юнош! — говорит мужичок. — Да только прими от меня три гостинца. Первый он таков — через голову кувырнёшься, станешь зайцем. А второй он другой — оземь ударишься, превратишься в оленя. И третий на свой лад — свистни, как умеешь, будешь птичкой быстрокрылой. На службе-то всё сгодится!

Сказал он так, поднялся на мост, а с него прямёхонько — в небо. Устроился по-хозяйски среди звёзд. Старый месяц, тоненький серп — на самом исходе, перед новолунием — а ещё подмаргивает Семёну.

Вернулся малый юнош домой под утро. Кругом тучные хлеба колышутся. Дверь отворил — из горницы золото посыпалось.

— Сказывай, какие у тебя новости? — спрашивает отец нетерпеливо.

— А новость у меня одна, — говорит Семён. — Такая новость, что иду в солдаты!

— Эх, дурья твоя башка! — огорчился бедолага-отец. — Где это видано — такие желания загадывать?! И без желания за милую душу забреют! Замечаю, что не мой ты сын, не моих кровей, раз такой глупый! Иди, куда знаешь, отрезанный ты ломоть...

Вздыхнул Семён, перекрестил отца с братьями да и отправился по прямой дороге, через три моста, в самую столицу. Долго ли, а скорее — коротко — привели его ноги к царскому дворцу, к садовой ограде.

А по саду как раз сам царь ходил со своим главным генералом. Унылые да скучные, потому что соседний король объявил ни с того ни с сего войну — не на жизнь, а на смерть. Вот и думали теперь царь с генералом, как завтра в поход выступить да как бы в суете не позабыть чего важного дома.

Семён подбежал к ограде и говорит без околичностей:

— Ваше величество, царь-батюшка! Пришёл я послужить простым солдатом. Берите меня в переднее войско!

Поглядел на него царь и очень удивился, откуда такой выискался:

— Слишком малый ты ещё юнош!

И генерал нахмурился, будто мопса:

— Какой из тебя солдат?! Не только ружья, но и сабельку не поднимешь! Любой сапог с тебя свалится.

— Это у меня обличие такое — малое да глупое! — не сдаётся Семён. — А душа моя — солдатская. Дождём промочённая, солнышком просушённая, огнём опалённая и ветром остужённая. Хочет в бою побывать — цену жизни узнать!

— Гладко говоришь, — усмехнулся царь. — Пожалуй, запишу тебя кашеваром. Служи, малый юнош, на совесть. Ну, а коли слава придёт и невидного найдёт...

На другой же день выступило войско в поход. Уже месяц идут. Всё по болотам да по трясинам, по буйному бездорожью.

Семён своё дело знает — кашу варит погуще, чтобы солдаты не слабели.

Наконец завидели дозорные впереди на сухом пригорке вражеские силы. Через день-другой сходитья надо — не на жизнь, а на смерть. Пора ружья чистить-заряжать да сабли заострять.

Хватился царь-батюшка, а сабельки-то его заветной и нету. Обыскали все сундуки, рундуки и прочие шкапчики. Нет как нет сабельки — той, что зараз дюжину супротивных голов срубает! Ну, забыли саблю во дворце, когда в суматохе собирались. А без неё какое там сражение? Пиши пропало!

Загоревал царь так, что каша в рот нейдёт. Тошно думать, как же опростоволосился! Всё же собрался с мыслями и объявил по всему войску. Мол, тому молодцу-удальцу, что за пару дней управится, доставит саблю заветную из дворца, — и дочь свою Марью-царевну в жёны, и полцарства в придачу!

Щедры посулы, да охотников мало. Шуточное ли дело, за два дня отмахать дорогу, какую и в два месяца с трудом одолеешь.

Тут и вызвался Семён, малый юнош.

— Сбегаю, ваше высочество! — говорит. — Слетаю! Доставлю заветную сабельку к битве.

Ну и самый главный хмурый генерал отставать не желает от простого солдата-кошевара:

— Вы меня, ваше величество, знаете! Не впервой мне царство-государство из беды выручать!

Сел на резвого коня, пришпорил в галоп, да не в ту сторону, кругаями — так и сбился сразу с пути.

А Семён, малый юнош, отошёл за кусточки, кувырнулся через голову, обернулся зайцем и припустил во всю прыть — с кочки на кочку.

Бежал-бежал, с раннего утра до полдня, из сил выбился. Оземь ударился, превратился в оленя. И опять помчался, словно стрела из лука, — с полдня до вечерней зори.

Притомился, свистнул, как мог, и уже птичкой вспорхнул. Ночь напролёт крылышками махал. К восходу солнца во дворец залетел, да так умаялся, что упал, как подстреленный, прямо в ноги Марьи-царевны.

Ахнула царевна, но чувств не лишилась, а сразу проснулась и прочитала грамотку от царя-батюшки.

— Да как же ты, малый юнош распрекрасный, — спрашивает она, — сумел за день столько земель миновать?

— А вот как, — отвечает Семён.

Обратился в оленя, пробежал по горнице и положил голову царевне на плечо. Оставил у неё в руке пучок шерсти с левого бока.

Обратился в зайца. Прыг-прыг, скок-скок — да царевне на колени. Клочок шёрстки у себя выщипнул с правого бока.

Свистнул — и уже птичкой вокруг порхает. Присел к царевне на мизинец да обронил золотое пёрышко.

А она все эти памятки — сразу в платочек и схоронила на груди.

Уже солнце поднялось. Пора в обратную дорогу. Принесла царевна заветную сабельку да поцеловала Семёна на прощание.

Кувырнулся малый юнош через голову и поскакал счастливым косым зайцем. Затем быстроногим оленем помчался, а потом и птичкой полетел. Так у него на душе хорошо, что вдвое быстрее одолел весь путь. Вот и рукой подать до воинского стана.

«Дай-ка, — думает Семён, — отдышусь — есть ещё время! Явлюсь к царю-батюшке свежим да бравым!»

Прилёг он под ракитовым кустом, на пригорке у оврага, обнял заветную сабельку и задремал.

А в ту пору главный генерал всё плутал посреди болот. Уже и коня утопил. С досады зубами скрежещет. Увидел он куст ракитовый, а под ним Семёна с сабелькой в обнимку. Выхватил, недолго думая, длинный кинжал и ударил прямо в сердце — малый юнош и не охнул. Столкнул его генерал в глубокий овраг и поспешил к царю с заветной сабелькой.

— Вот, ваше величество, — бесценное оружие! — говорит. — Как обещано, в срок доставил! Теперь рубите врагов со всего плеча, а я так устал, что с ног валюсь.

Царь обнял генерала, повесил ему на грудь золотой орден, сам в постелю уложил:

— Ты своё дело сделал! Отдыхай, герой, без тебя управлюсь!

И пошёл, не откладывая, на враждебного короля.

Бились недолго — три дня и три ночи. А как сокрушили в пух и прах противную рать, царь-батюшка разбудил генерала да ещё один орден за храбрость на грудь прицепил. И отправилось войско с победой и песнями под барабанный бой в столицу.

О Семёне и не вспомнили — и без него кашеваров хватает.

Лежит малый юнош в чёрном овраге. Одиноко ему, мёртвому, и до того скучно, что душа отлетает.

Но тут как раз время настало, и взошёл на небо новый месяц — молоденький да уже с бородой. Поглядел на землю и заприметил неживого Семёна в овраге.

Взмахнул месяц бородой — по листве, по кустам, по траве. Стряхнул серебряную росу на грудь Семёна, и затянулась колотая рана, как и не было.

Потянулся малый юнош, вздохнул и глаза отворил.

— Батюшки-святые, как заспался! А ведь ждут меня не дождутся! Где сабелька заветная?!

— Эх, малый юнош, — говорит ему месяц. — Всё ты мёртвым сном проспал. Война-то уж кончилась, и войско с победой воротилось! Вот тебе совет — поспевай в столицу...

Ох, долго спал Семён, хорошо выспался. Помчался со всех ног. По дремучим лесам зайцем скачет. Через

топи-болота оленем перемахивает. Над реками и озёрами птичкой быстрокрылой порхает.

А в городе стольном праздник — пушки палят, колокола звонят. Славит народ царя да главного генерала — спасителя. Всё готово к его свадьбе с Марьей-царевной.

Стол накрыт на царском дворе посреди сада — хмельного питья да закусок, да заедок видимо-невидимо. Веселье кругом. Одна Марья-царевна печалится. Смотрит по сторонам неживым взглядом.

Да вдруг узрела Семёна за садовой оградой — так и ожили глаза, засверкали. Говорит она царю:

— Не тот, батюшка, мой жених, что за столом, в орденах! А тот малый юныш, что за изгородью томится! Это он заветную сабельку к сроку доставил!

— Пустые слова, ваше величество! — поднялся главный генерал. — Всем известно, кто саблю привёз! А этот беглый кашевар — разбойник с большой дороги! Какие у него доказательства?!

Кувырнулся Семён через голову, обратился в зайца и прямёхонько к Марье-царевне. Вынула она из платочка клочок заячьей шёрстки, приложила к правому боку — ну, в самый раз.

Превратился Семён в оленя благородного, подставил левый бок с проплешинкой, и Марья-царевна укрыла её пучком шерсти. А Семён вспорхнул птичкой и уселся на мизинец к Марье-царевне. Она золотое пёрышко приладила — как и было тут.

— Вот, батюшка, мои приметочки!

— Теперь понятно, кто тут жених, а кто разбойник, — говорит царь.

Побледнел генерал с лица, да так осунулся — все орденны с груди наземь посыпались!

На радостях не казнили его, а помиловали — сослали дороги строить через топи и болота.

А Семёна с Марьей-царевной тут же повенчали.

Так приосанился Семён, сразу видно — добрый молодец! Был малый юнош — кашевар, а стал великий юноша — удалой солдат, кавалер в чине генерал-царевича.

Позвал он на свадьбу и отца с братьями. Поглядел отец-бедолага на Семёна.

— Ох ты, гой-еси, добрый молодец! — говорит. — Ясно вижу — моя родная кровиночка! Дозволь, Сёма, когда время подойдёт, на твоих рученьках помереть.

Ну, а затемно уже пожаловали на пир и молодой месяц вместе с полной луной. Весело гуляли — дни и ночи напролёт. До тех пор, пока месяц не состарился, — до самого, сказывают, новолуния.

КАША ИЗ ТОПОРА

(СКАЗКА НА ПОБЫВКЕ)

Шёл, было дело, старый солдат на побывку домой, ногами вёрсты мерил. Дождём его поливало, ветром его обдувало, солнцем тоже припекало. Иззяб, оголодал. Притомился в дороге, есть хочется. А тут как раз малое сельцо на пути.

Как говорится, идёт солдат селом, да глядит кругом. Постучал в избу справную.

Вышла к нему хозяйка.

— Здравия желаю, красавица! — говорит солдат. — Пустите отдохнуть дорожного человека, кости погреть.

А хозяйка в ответ:

— Как же, как же, есть у меня клеть.

Скупая да хитрая хозяйка-то была. Всего у неё вдоволь, а солдата жалко накормить. Прикинулась глуховатой сиротой. Одно на уме — как бы незваного гостя спровадить...

— Какая такая клеть?! — говорит солдат. — Обогреться бы мне да чего-нибудь поесть.

— Вот на гвоздике и повесь!

— Да никак ты совсем глуха? — спрашивает солдат.

А хозяйка всплеснула руками:

— Я про то и говорю, что нет петуха.

Только служивого человека просто так не сплaviшь, не проведёшь. Как гаркнул солдат:

— Шагом марш! Левой! Левой! — и прямым ходом в избу ввалился.

«Погоди, — думает, — сейчас тебе глухоту вылечу!»

— Значит, ничем меня не попотчуеть? — усмехнулся солдат.

— Ну, где хочешь, там и заночуешь, — гнёт своё хозяйка.

Лёг солдат отдыхать на лавку, ранец под голову. А голодное брюхо покою не даёт. Да тут заметил он в углу у печки топор без топорща.

— Дозволь, хозяйюшка, кашу из топора сварить.

Хозяйка руками всплеснула:

— Как так? Впервые слышу — из топора каша?

— А вот дай-ка, красавица, чугунок побольше да разведи в печи огонь.

«Ну, экие чудеса! — думает хозяйка. — В кои-то веки погляжу, как из топора кашу варят». Принесла здоровенный чугунок. Солдат налил воды, поставил на огонь, топор вымыл и положил кипятиться.

Хозяйка глядит, глаз не отводит.

Солдат достал из-за голенища ложку, помешивает варево, пробует.

— Ну как? — спрашивает хозяйка. — Уварился? Вкусно?

— Скоро каша будет готова, — отвечает солдат. — Жалко, соли нет!

— Да посоли, служивый! Соль-то у меня найдётся.

Солдат посолил. Снова попробовал:

— Эх, всем хороша! Да вот бы горсточку крупы...

Принесла хозяйка из чулана мешочек с крупой:

— Заправь уж как надо.

Варит солдат, помешивает, пробует да хвалит:

— Ну, генеральская каша — одно слово! А кабы чуточку масла, была бы царской!

Сроду хозяйка не пробовала царской-то каши. Любопытно ей! Принесла из погреба масло.

Солдат сдобрил кашу и говорит:

— Вот теперь — дело! Подавай хлеб, красавица, да бери ложку.

Едят они кашу да похваливают.

— Не думала, не гадала, что из топора этакую царскую кашу можно сварить, — дивится хозяйка.

Солдат ест за обе щеки, посмеивается.

— Ну, спасибо, хозяйка, — встал из-за стола. — Солдаты, что малые ребята, — и много поедят, и малым сыты.

Потыкал топор ложкой, из чугунок вынул — и в ранец. За солдатом, известно, — пиши пропало.

— Тебе-то он, красавица, ни к чему — весь выварился. А я, глядишь, поглюдаю — в дороге-то и топор словно сахарная косточка.

Подкрепился солдат, обогрелся, распростился с хозяйкой и снова пошёл вёрсты мерить — на побывку, до дому.

А хозяйка с той поры только так кашу и варила. И до того наловчилась — уже щи из топора, компоты и, правду сказать, водку тоже из топора гонит. Накупила впрок топоров на ярмарке, завела трактир «Каша из топора».

Гостей к ней много захаживает. Особенно на Великий пост.

Ну а сельцо то малое превратилось в уездный город по имени Топорики.

Да всё благодаря безымянному солдату, который когда-то на побывку спешил, ногами вёрсты мерил.

ШИНЕЛЬ И ПЕРИНА

(СКАЗКА НА СОН ГРЯДУЩИЙ)

Повстречался в трактире барин с солдатом. Стал солдат хвалить-нахваливать свою шинель:

— Как дело ко сну — постелю шинель, укроюсь шинелью и под голову шинель! Такая вещь незаменимая!

Ну, у барина глаза разгорелись. Просит барин продать шинель. Прилип, как банный лист, к солдату. Кое-как за двадцать пять рублей сторговались.

Пришёл барин домой и говорит жене:

— Выкидывай, матушка, перину, подушки да одеялы! Только погляди, чего укупил! И постелю, и укроюсь, и в головах положу!

Жене-матушке с первого погляда не понравилась шинелка, не пришлась по сердцу.

— Олух ты! — говорит. — Дубина ты стоеросовая! Спи теперь, как пёс, у дверей, а на кровать и не суйся!

Ну, постелил барин шинель на лавку. И так и эдак пристраивается, извертелся. Костям жёстко, с боков дует и под головой, как ни крути, — шиш.

Промучился барин ночь, а наутро пошёл с жалобой к полковому командиру.

Позвали солдата.

— Что ж ты, брат, — говорит командир, — обманул барина?

— Никак нет, ваше благородие, — отвечает солдат.

Взял шинель, расстелил шинель, голову положил на рукав, накрылся полою.

— Куда как хорошо, — говорит, — на шинели спит-ся! — и уже, слышать, похрапывает.

Ну, полковой командир похвалил солдата, подарил пятак на чарочку.

А барину такое обозрение дал:

— Служивому да работающему, тому и камень — перина. А коли баклуши бить, не про вас будет сказано, так и в гробу — бессонница.

Ушёл барин ни с чем — без шинелки, без денег.

А полковой командир склонил, куда пришлось, голову да тут же и захрапел благородно — так, словно труба в поход призывает.

КАК ЧЁРТ ОСОЛДАТЕЛ

(СКАЗКА НА ПОСТУ)

Служил солдат на царской службе. Год служил, два служил, пять лет служил и десять, а всё не выходит ему срок. Царская служба — она долгая.

Солдат домой пишет — поминать велит.

Стоит на часах да так тоскует, так охота на родине побывать — ну никакого терпежу!

— Хоть бы, — говорит, — какой чёрт меня туды снёс! А чёрт, конечно, тут как тут. Только помяни!

— Это ты, — говорит, — звал меня? Чего надо?

— Да вот домой на побывку охота.

— Что ж, — говорит чёрт, — устроить можно. Это для меня пустячное дело. А чем платить будешь?

— Бери последний пятак! У солдата, прости, за душой больше пятака не бывает...

— На кой мне твой пятак?! — плюнул чёрт. — А коли душу отдашь, возьму!

— Если сгодится, так забирай, — говорит солдат. — Тут другая загвоздка! С поста уходить заказано — присягу давал...

— Ну, постою вместо тебя, — говорит чёрт. — Авось не тресну!

И порешили они так: солдат в своей деревне год проживёт, а чёрт за него отслужит.

— Скидывай амуницию! — торопит чёрт. — А вместе с ней и душеньку выкладывай.

А солдат не согласен.

— Э, так дело не пойдёт, — говорит, — вперёд платить не буду. Солдатская душа не балалайка. Как же я без души домой приду? Да и кто тебя знает, чёрта, — может, обманешь.

— Несговорчивый вы народ, солдаты, — поморщился чёрт. — Ну да ладно, вернёшься — рассчитаемся.

На том и сошлись.

Солдат казённое обмундирование с себя скинул и моргнуть не успел — дома очутился.

А чёрт вместо него на часах стоит.

Подходит к нему генерал. Видит, выправка у часового что надо. Глазами, как полагается, начальство ест. А вот с ремнями беда. Им бы крест-накрест через грудь, а они через плечо болтаются.

— Эт-то что такое? Почему кавардак? — хмурится генерал. — Надеть по уставу!

Чёрт и так и сяк — и мнётся, и ёжится, да никак не приладит ремни...

Но генерал долго не ждёт.

— Болван! — кричит. — Раззява! Проучить его хорошенько!

Генеральский приказ что отцовский наказ. Стали чёрта учить. Каждый день учат — порют розгами.

И вроде бы всем хорош солдат! Службу несёт справно. Ну не к чему придраться, кабы не эти ремни. Учи ты его, не учи, а болтаются, хоть плачь, через плечо. Конечно, мудрено смекнуть, откуда у солдата такое упрямство.

— Ну, дурья башка! — просит ротный. — Чего тебе стоит, братец? Присобачь ты их по форме — крест-накрест!

Да где ж это видано, чтоб у чёрта крест на груди?!

Долго учили его — то розгами учили, то плетью, а то и шомполом.

Вот уже условленный год подходит к концу. Ждёт чёрт не дождётся, когда солдат вернётся. Стоит на посту, зорко по сторонам глядит — не прозевать бы солдата.

И видит — ползёт-пробирается кто-то к оружейному складу. Ночь такая тёмная, что другой бы и не заметил. А чёрт мигом подскочил, как из-под земли вырос. Хвать лазутчика за шиворот и в тюрьму сдал.

«Совсем я осолдател! — размышляет чёрт. — Не хватало ещё мне, чёрту, злодеев ловить!»

Так-то, может, и мыслит, но маленько даже гордится. На другой день зовут его к генералу. Награда ждёт, Георгиевский крест за поимку злоумышленника. И хочет генерал самолично на грудь его приколоть. Уж коли такое геройство, то ремни не в счёт, о ремнях можно и забыть на день.

А чёрт думает: «Всё, крышка! Влип! Сгорю под крестом, словно лучинка! Как бы убраться втихомолку, подобру-поздорову?»

— Дозвольте, — говорит, — ваше высокоблагородие, отлучиться, портянки сменить. Хочется в свежих принять награду!

Генерал поморщился, но делать нечего, отпустил.

Завернул чёрт за угол да нос к носу с солдатом столкнулся.

— Ах, братец! — возликовал чёрт. — Вот спасибо, не подвёл — минута в минуту! Сейчас тебя крестом угостят!

Скинул амуницию и бежать со всех ног без оглядки. Про душу солдатскую и не вспомнил.

А солдат получил от генерала награду и как ни в чём не бывало службу несёт.

И ремни на нём по форме — крест-накрест. И Георгий на груди. А главное — душа на месте.

ТРИ ЦАРСКИЕ ЗАГАДКИ

(СКАЗКА ПЕРЕД РАПОРТОМ)

Жили в одном монастыре ни много, ни мало, а ровным счётом триста монахов, да ещё один игумен. Бога-

тый был монастырь, доходы со всех сторон. И живут монахи припеваючи — пьют, едят сладко, спят долго, а работы никакой. Так хоть тысячу лет живи — не тужи. Прослышал про такое беззаботное приволье царь Пётр да задумался:

«Как так? Весь народ, да и сам я, грешный, — все в трудах да заботах. Ни днём, ни ночью покоя нет! А тут триста монахов да ещё один игумен, как сыр в масле катаются. Ни заботы у них, ни работы!»

И послал царь-батюшка гонца в тот монастырь — Скажи, вестовой, тамошнему игумену такую штуку. Во-первых, приказал-де царь сосчитать звёзды на небе! Во-вторых — узнать, глубока ли земля. И, в-третьих, пусть игумен сообразит, что у меня, у царя-батюшки, в голове. Сроку на всё про всё — три дня! А на четвёртый жду самого игумена с полными ответами. Коли не справится, отправлю монахов лес валить для строительства флота.

Как получил игумен царский приказ, так очень запечалился. Собрал всех монахов и рассказал им, как жизнь вдруг повернулась плохой стороной. И монахи головы повесили, закручинились. Думали, думали — так ни до чего путного и не додумались.

Зашёл точнёхонько о ту пору отставной солдат в монастырь. И видит — тоска да уныние, будто на Страстной неделе.

— Чего, братие, горюете? — спрашивает.

Монахи ему отвечают:

— Ох, служивый, горесть подоспела! Велел царь три загадки отгадать, и через три дня на четвёртый игумену с ответами во дворец предстать.

— Какие такие загадки? — интересуется солдат.

— Надобно сосчитать все звёзды на небе, выяснить до самого дна глубину земли да узнать, что у царя на уме.

— Ну, кабы был на вашем месте, сполна бы ответил царю-батюшке.

Монахи тут же побежали на рысях к игумену в келью. Так, мол, и так, — пришлый служивый берётся всё разгадать и перед царём ответ держать. Игумен спохватился, чуть ли не в ноги солдату кланяется:

— Бери, любезный, чего пожелаешь, да только пособи нашему горю — научи, как царю ответить!

— Ничего мне не надо от Божьих людей. Давай твою рясу. Так и быть, пойду вместо тебя с докладом.

Обрадовался игумен, и монахи повеселели, как гора с плеч, — прислал-таки Господь заступника. Надел солдат поверх кафтана рясу игумена и явился во дворец.

— Что скажешь, слуга Божий? — спрашивает царь. — Есть ли ответы на мои загадки?

— Так точно, ваше величество! — отдаёт солдат по привычке честь, да каблуками щёлкает. — Насчитал я на небе не много, не мало, а ровно семьсот сорок две тысячи четыреста восемьдесят девять с половиной звёзд, начиная от Луны и Солнца.

— Нету ли ошибки в расчётах? — усомнился царь Пётр.

— Никак нет, ваше величество! Три раза считал — всё сходится, до последней половинки. Можете сами проверить!

— Ну, ладно, — говорит царь. — Это проехали! А как дела с глубиной земли?

— Земная глубина крепко велика! — развёл солдат руки во всю ширь. — Ох, и долго я её мерил, ваше ве-

личество! Родитель мой, светлая ему память, ушёл в землю ровно тридцать лет назад, и до сей поры не возвратился. Значит, не иначе, — крепко велика глубина земная!

Откашлялся царь и говорит:

— Похоже на правду. А теперь отвечай, о чём я думаю? Что у меня, у царя, на уме?

— Помилуйте, ваше величество, что в голову царственную подглядываю! — потупился солдат, — Однако на уме у вас, вижу, такая дума: «Каков шельма-игумен молодец!»

Растрогался царь Пётр, аж слезу смахнул:

— Молодчага, игумен! На всё, шельма, ответы нашёл!

— Никак нет, ваше величество! — опять щёлкнул солдат каблуками. — Вот тут-то как раз ошибка в расчётах! Приняли вы меня за игумена — настоятеля монастырского. А я — отставной солдат — только и могу по струнке перед вами стоять.

Скинул он рясу и рассказал он всю правду, без утайки. Повеселил царя-батюшку.

Щедро наградил Пётр Великий отставного солдата и назначил государственным советником по безответным вопросам.

Ну, а триста монахов и один игумен так и жили в монастыре, почти как прежде. Если того не считать, что каждое утро после молитвы на работу выходили — немало они, с Божьей помощью, повалили леса для нужд корабельных.

СОБАКИ НА ВОЙНЕ

На историческом Параде Победы 24 июня 1945 года были представлены все фронты Великой Отечественной войны, все рода войск. Но мало кто знает, что вслед за сводными полками по Красной площади шли солдаты с собаками. Это были военнослужащие Центральной ордена Красной Звезды школы военных собак и их воспитанники, прошедшие с ними войну. Следом отдельно шёл главный кинолог Международной федерации служебного собаководства (или, как его называли всегда, — главный кинолог страны) подполковник Александр Павлович Мазовер и нёс на руках бойца 14-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады — собаку по кличке Джульбарс. Четвероногий боец участвовал в боях и разминировании местности на территории Румынии, Чехословакии, Венгрии и Австрии и был представлен к боевой награде — медали «За боевые заслуги». Он был единственной собакой, удостоенной такой медали.

В день парада пёс ещё не оправился от полученного при выполнении боевого задания ранения и не мог ходить сам. Начальник школы военных собак доложил об этом командовавшему парадом маршалу Константину Рокоссовскому, тот поставил в известность главнокомандующего, который распорядился на руках пронести собаку по Красной площади, а подполковнику Мазоверу было разрешено не чеканить шаг и не отдавать честь главнокомандующему.

Александр Павлович Мазовер (1905 — 1981) с детских лет увлекался собаками, подбирал и приносил домой бездомных и брошенных собак, поэтому пошёл учиться в ленинградский Институт физкультуры им. Лесгафта, который блестяще закончил в 1929 году по специальности

«служебное собаководство». С тех пор и до конца жизни он связал свою судьбу с собаками, став одним из основоположников российского собаководства.

В 1931 году А.П. Мазовер был начальником первой экспедиции на Красноярский север, организованной Осоавиахимом* и Всесоюзным институтом животноводства для изучения северного собаководства. В 1938 году его пригласили на работу в Центральный Совет Осоавиахима СССР, он закончил курсы усовершенствования офицерского состава и вплоть до начала войны одновременно работал в подмосковном питомнике служебных собак Осоавиахима в Новогирееве. С первых дней войны Мазовер работает в Центральной школе военного собаководства начальником отдела боевого применения собак. Там он впервые встретил свою будущую жену — Дину Волканц. До войны она жила в Харькове, там же начала заниматься дрессировкой собак в любительском клубе Осоавиахима и вскоре стала инструктором служебного собаководства.

С началом войны профессия инструктора-кинолога стала военной, и в 1941 году Дину, восемнадцатилетнюю студентку первого курса Харьковского театрального института, призвали в армию и направили в Центральную школу служебного собаководства обучать солдат обращаться с собаками, тоже «призванными» на военную службу.

Дина получила воинское звание младшего лейтенанта и приступила к работе. Специализировалась она на подготовке собак минорозыскной службы. Именно в школе она выбрала для работы Джульбарса, который впослед-

*Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927 — 1948 годы, предшественник ДОСААФа.

ствии заслужил участие в Параде Победы. Она показала собаку начальнику отделения. Пёс был неказист и обшарпан, и она услышала ироническое: «Хуже собаки найти не удалось? Разрешите узнать, по каким же признакам вы её выбрали?» «По глазам», — серьёзно ответила Дина. И, как оказалось, она не ошиблась.

Она обучила Джульбарса всем видам служб, доступным собакам. И Жулик, как нежно называла его Дина, особенно отличился с поиске мин. «Средний» по чутью пёс улавливает запах взрывчатки на расстоянии 20 — 30 метров на поверхности земли и до 70 — 90 сантиметров под слоем грунта, в зависимости от величины заряда и герметичности его упаковки. Джульбарс этот норматив превышал в два раза, а иногда и более.

Умение собаки во многом зависит от умения дрессировщика. А Дина была непревзойдённым мастером дрессировки. Проверкой их мастерства стало разминированию аэродрома в Воронеже в марте 1943 года. Лётное поле уже разминировали, но через несколько дней здесь подорвался бензозаправщик. Снова начались поисковые работы. Мины были прошлогодней закладки, и обнаружить их в мёрзлой земле никак не удавалось. Обстановка сложилась нервозная: аэродром был очень нужен, а сколько таких сюрпризов прячется по всей его территории, не мог сказать никто. По приказу командующего инженерными войсками в Воронеж срочно отправили Дину с Джульбарсом как специалистов высшего класса по минорозыскной службе. И они показали своё искусство: за неделю Джульбарс обнаружил, а Дина обезвредила все мины, и аэродром был полностью очищен.

Вылет в Воронеж оказался своеобразным экзаменом для Дины Волканц и для Джульбарса, и в мае 1943 года они оба выехали на Калининский фронт. Лейтенанта Волканц

назначили командиром взвода дрессировщиков-минёров 37-го отдельного батальона разминирования, которым командовал капитан Александр Мазовер. В первый же день она пошла смотреть собак, которые встретили новое лицо дружным лаем. Дневальный поимённо рекомендовал каждую собаку, а профессиональная память Дины цепко запоминала кличку, собаку, ее характеристику. Тем временем солдатское «информбюро» распространило по батальону следующие сведения о новом командире.

— Девушка. Молоденькая. Воюет с первых дней. Пса привезла, своего. Зовут комвзвода Дина, так что, ребята, готовьтесь!

Началась суматоха. А утром, когда Дина, как новый командир, принимала взвод и знакомилась с личным составом и собаками, она была немало удивлена, когда старшина бойко назвал уже знакомую ей собаку не Диной, как вчера именовал её дневальный, а Ильзой. И так ещё и ещё раз. Собаки никак не реагировали на новые клички, в лучшем случае, услышав своё новое имя, зевали. Глядя на невинные лица солдат и старшины, Дина всё поняла и приказала оставить Динам их прежние клички.

Одну из таких собак по имени Дина Мазоверы после демобилизации привезли с собой в Москву. Она жила на персональной пенсии в школе служебного собаководства, дожила до появления в Москве телевидения и неоднократно появлялась на экране с А.П. Мазовером в передачах о собаках-героях войны.

К сожалению, на фронте действовали также отряды солдат с собаками-истребителями танков. Обняв и расцеловав отдрессированную собаку, солдат надевал на неё смертельный груз и отправлял в единственную атаку на танк. Многие солдаты откровенно плакали. Собаководы давно

старались выдрессировать собаку-минера так, чтобы она могла работать не как самоубийца, но эти попытки проваливались. А у Дины получилось! Она сумела подготовить первую в Красной армии собаку-диверсанта. Из наиболее способных дрессировщиков и лучших собак она отобрала свою особую группу.

Самым надёжным исполнителем задуманной диверсии оказался Джульбарс. Поздней осенью 1943 года он успешно выполнил не учебную, а боевую задачу: выскочил на рельсы перед приближающимся немецким воинским эшелоном, сбросил тук с зарядом, зубами выдернул чеку капсюля-воспламенителя, скатился с насыпи и умчался в лес. Джульбарс был уже рядом с минёрами, когда прогремел взрыв, разметавший эшелон. За подготовку этой операции лейтенант Дина Волканц была награждена орденом Красной Звезды.

Замки Праги, соборы Вены, дворцы над Дунаем — эти замечательные памятники архитектуры были спасены от разрушения благодаря феноменальному чутью Джульбарса. Документальным подтверждением тому служит справка, в которой сообщается, что с сентября 1944-го по август 1945 года служебная собака по кличке Джульбарс в составе 14-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады принимала участие в разминировании на территории Румынии, Чехословакии, Венгрии и Австрии и обнаружила 7 468 мин и более 150 снарядов. Отменное чутьё неутомимого пса отмечали и сапёры, разминировавшие могилу Тараса Шевченко в Каневе и Владимирский собор в Киеве.

Впрочем, собак-воспитанников у Дины было немало — всего за время войны было сформировано и подготовлено 18 отдельных батальонов разминирования. Весь опыт применения собак в годы войны показал, что они исключи-

тельно надёжны для поиска мин, причём в любой оболочке (металлической, деревянной, пластмассовой, картонной, керамической и пр.), в то время как миноискатели, которыми пользовались тогда сапёры, были способны обнаруживать мины и другие заряды преимущественно в металлических корпусах. С помощью четвероногих помощников были разминированы 303 крупных города, в том числе Киев, Харьков, Львов, Одесса, обнаружены и обезврежены миллионы мин. На зданиях, на табличках у дорог оставался их знак: торчащие вверх треугольники-ушки и надпись «Мин нет», а под ними — фамилии сержантов и офицеров, чьи подразделения проводили разминирование. Бойцы, работающие с собаками-миноискателями, делали это с особой гордостью, будучи твёрдо уверенными, что те участки и объекты, которые были проверены собаками, гарантировали полную безопасность.

Успехи минорозыскных собак были так велики, что 20 февраля 1944 года Генштаб Британской армии обратился в Генштаб Советской армии с просьбой поделиться информацией, как готовить таких собак.

В 1945 году окончилась война, но на полях оставалось ещё много табличек с надписью «Осторожно-мины!» Отряды с Александром Мазовером и Диной Волканц, продолжали, рискуя жизнями людей и собак, расчищать минные поля. Они оба сохранили и привезли домой свои минные палочки-щупы, с которыми прошли всю войну. А Дина Волканц так и не стала актрисой. Лишь запись в военном билете напоминала о несостоявшейся гражданской специальности.